

Большаков Л.Н.

Александр Фадеев : Повесть-хроника боевой юности.

Замысел возник так...

И слухом, и голосом природа меня обделила. Наедине с собою еще так-сяк, "мурлычу", когда же приходится петь вслух, смущаюсь, прямо-таки мучаюсь, рот открывая больше для приличия.

Но тут, в Спасске-Дальнем, я пел во всю мочь, сразу как-то позабыв о своей полной вокальной несостоятельности, больше того, пытался дирижировать другими, в общем, чувствовал себя как увлеченный хормейстер на певческом празднике, явственно ощущая тот особый, необыкновенный подъем, ту удивительную окрыленность, которым дано творить чудеса,

И останутся, как сказка,
Как манящие огни,
Щтурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни...

Спасск был здесь, со мною и во мне, со всеми, кого собрал, соединил удивительный этот вечер: и коренными, исконными дальневосточниками, и нами, гостями, съехавшимися отовсюду - из Москвы и Ленинграда, с Украины и Урала. Мы летели в Приморье на Дни советской литературы, посвященные 80-летию со дня рождения А. А. Фадеева, а попали как бы на встречу с ним живым, притом совсем юным, с его боевой, героической молодостью, в места - нет, в горнило тех испытаний, которые выковывали характер, закаляли мужество, пробуждали талант этого удивительного человека.

Я прежде стал революционером, чем писателем, и, когда взялся за перо, был уже сформировавшимся большевиком. Несомненно, от этого и мое творчество стало революционным". Так говорил Фадеев, отчетливо представлявший, в чем его истинная, настоящая сила.

Там, среди сегодняшней юности Спасска, там, в Приморском крае и возникла идея повести о молодых годах того, чьими книгами зачитывается

уже не одно поколение моих соотечественников и во многом благодаря которым повсюду в мире знают об истоках несгибаемой стойкости советского народа.

Идея, скажу прямо, возникла первоначально не у меня. Незадолго перед тем в библиотечке "Огонька" вышла написанная мною Повесть-хроника о депутатской деятельности писателя ("Сенатор от штата Сорочинск"), и потому, наверное, во мне увидели потенциального автора книги новой - на этот раз о его юности.

Широковещательных обещаний я не давал. "Подумаю" - вот и все. С тем улетел. Но время от времени о "социальном заказе" напоминали. Напоминания стали настойчивее, когда Союз писателей СССР и Главное политическое управление Вооруженных Сил страны наградили меня серебряной медалью А. А. Фадеева и сообщения об этом появились в газетах.

Все чаще перелистывал я страницы "приморских" своих блокнотов. Читал, перечитывал воспоминания о Фадееве - известные, малоизвестные и совсем новые; встречался, разговаривал с некоторыми его товарищами, в том числе по дальневосточной юности. Следил за публикациями исследователей, особенно автора лучших книг о писателе Виталия Михайловича Озерова, доктора филологических наук Станислава Васильевича Заики, неутомимой искательницы новых материалов Нины Ивановны Дикушиной, спасского историка и литератора Александра Михайловича Бачурина, работников литературно-мемориального музея в селе Чугуевке во главе с энергичной Надеждой Ивановной Алексахиной. Приезжая в Москву, окунался в архивы: фадеевский фонд Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), партизанскую и армейскую документацию времен гражданской войны в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА).

И подошло, наступило время, когда не писать я уже не мог.

Но тут возникли трудности иного порядка.

Как часто нам, пишущим о реальных людях и событиях, приходится сетовать на недостаточность материала, на непроясненность многих страниц биографий тех, писать о ком вознамерился. Здесь же ситуация оказывалась иной: материала было с явным избытком, в нем запросто можно было и утонуть.

Ко времени своего двадцатилетия Фадеев уже имел биографию, причем какую! Она вместила в себя не только переезды ранних лет, детство в таежной Чугуевке, учение в коммерческом училище Владивостока (а это и обретение верных друзей, формирование жизненных, человеческих идеалов), но также большевистское подполье, вступление в партию коммунистов, партизанские походы, бои на Амурском фронте, деятельность в качестве военкома полка, а потом и бригады, избрание делегатом X съезда РКП (б) и огромная радость слышать Ленина, участие в подавлении кронштадтского

мятежа и тяжелое ранение на льду Финского залива, начало новой, уже студенческой поры жизни и новых партийных обязанностей, партийных дел.

Полноте, да могут ли впрямь вместить в себя столько двадцать - всего двадцать - лет?!

Могут и... смогли. А как раскрыть все это в рамках небольшой, компактной повести, которая была бы прочитана "на одном дыхании"? Как такое повествование организовать?

После долгих раздумий пришел я к мысли поведать об одном, лишь одном годе революционной биографии - том, который непосредственно подводил моего героя к его Двадцатилетию. Времени от 24 декабря 1920-го по 24 декабря 1921-го. Конечно, позволительна (и даже вполне оправданна) ретроспектива. Разумеется, герой, как и автор, вправе оглянуться назад, а равно заглянуть вперед. Но в основе повествования все-таки год - хроника двадцатого года его жизни. И никакого сочинительства - сама правда, чистая правда.

Вот теперь мне уже не терпится начать. Повесть я посвящаю своему вдохновителю - молодежи сегодняшнего Дальнего Востока. Да будет юным во всем примером огневая юность дедов!

Глава первая

1

В двадцатый год своей жизни Саша вступал на многотрудном переходе по глухим таежным дорогам.

За три с небольшим недели до того его назначили военным комиссаром 22-го Амурского. Распоряжение об этом было отдано сразу после взятия Даурии: вернулся в политотдел, размещавшийся уже на станции Борзя, и тут последовало предложение приступить к исполнению новых обязанностей.

- Приказ о военных комиссарах знаешь?- спросил Булочников, военком бригады. Он спрашивал о приказе по войскам Восточно-Забайкальского фронта, изданном в августе двадцатого.

- Читал,- отозвался тотчас.

Ну, конечно, читал - еще в Благовещенске, в штабе Амурской армии, куда добрался из Владивостока под частыми обстрелами хунхузов с паспортом на имя Булыги.

- Прочитай еще раз, товарищ, да повнимательнее,- пододвинул лист с тусклым машинописным текстом Федор Петрович.

Впервые увидев его незадолго до этой встречи, Александр про себя окрестил нового знакомого "пожилым" (уже позже узнал: было ему на восемь лет больше, но всего-то двадцать семь).

- Теперь это, товарищ Булыга, относится к тебе самому, так что запоминай все хорошенько. Как говорится, на ус наматывай.

Перечитать действительно нелишне. Пробежал по строчкам, прошелся по ним уже медленнее, а пункт шестой прочел почти вслух:

"Военный комиссар должен быть для всех красноармейцев образцом революционной и боевой доблести, дисциплинированности, верности воинскому долгу, первым в наступлении, последним в отступлении - словом, духовным вождем полка, политическим и военным живым знаменем революции"

Первым в наступлении, последним в отступлении --это он понимал. Больше того - так и действовал, даже не будучи комиссаром. Но духовным вождем? Живым знаменем?

Революция сделала его взрослым. Его и товарищей. На долю их выпало столько, на каждого смолоду легло такое, что прямо из детства, из отрочества шагнули они в жизнь с полной ответственностью за себя и других, во взрослую самостоятельность решений и дел, в борьбу без каких-либо скидок да поблажек. Однако быть комиссаром значило жить сотнями жизней, день за днем соединяя их воедино, в одну. Сможет? Поручают, - значит, должен. Отказ от труднейшего - трусость...

Полк он нашел на Чиндантской-2 - станции совсем маленькой, но по тем дням не просто важной, а и стратегически важной. Комполка Щамонин прочел поданную ему бумагу и только головой кивнул:

- Пиши приказ. "По части политической..." Написал? Дальше: "Согласно предписанию военкома 3-й Амурской стрелковой от 30 ноября с. г. № 335 сего числа я в исполнение обязанностей полкового военкома вступил". Готово? Ставь подпись.

Подписался четко: "Военком Ал. Булыга".

-Занятная у тебя фамилия,- проговорил командир полка, держа в руках приказ. И тут же любопытствовал: -Украинская?

- Русский я;-откликнулся новый комиссар.- Фадеев по отцу, Александр Александрович Фадеев. А Булыга - фамилия моя партийная, еще с подполья ношу.

В бригаде - других ее полках, не этом - о назначении узнали из приказа от 7 декабря 1920 года. Отдельным пунктом в нем значилось: "Военкомом 22-го полка назначаю Ал. Булыгу с 30 ноября с. г."

Подписал Булочников.

2

"Да, я действительно тот самый Булыга, который был комиссаром 22-го Амурского полка... Вас я отлично помню, помню Ваше лицо того времени, манеру говорить и жесты Ваши".

Федор Петрович Булочников напомнил о себе Фадееву после "Молодой гвардии", годы спустя после Отечественной. Он тогда надумал писать мемуары о гражданской войне, многое оказалось забытым, страшила ненадежность памяти (как-никак, а шел седьмой десяток)/захотелось одно проверить, другое уточнить, третье узнать - так и родилось его письмо в Москву. Жил Булочников по-прежнему на Дальнем Востоке, многое довелось пережить, испытать, вынести, но ничто не стерло в нем воспоминаний тех незабываемых "лет;

Не стерло и в Фадееве. Письмо дальневосточника, старого боевого товарища, в известной мере наставника, подняло из глубин его души самое что ни есть сокровенное.захотелось ответить на каждый вопрос, притом подробно и точно; Но можно ли удержать в голове все? Прошло почти тридцать пять - многое из памяти выветрилось, ушло безвозвратно. Может, запомнилось Соне Кляхиной, Тамаре Головкиной, кому-то еще из друзей юности?.. И полетели письма к ним, каждое с десятком дотошных вопросов. "Напиши мне то, что помнишь..."

А пока писал Булочникову о запомнившемся ему самому. "Я считался какое-то короткое время инструктором политотдела нашей дивизии... Но находился я фактически не при политотделе дивизии, а при ее комиссаре... Я даже жил у него в салон-вагоне. Спал в столовой на полу, подстилая тогдашние наши меховые укороченные шубы-куртки, которые мы носили белым мехом наружу. Длилось это всего лишь несколько дней. Он прочил меня в комиссары полка, если кто-нибудь погибнет или кого-нибудь нужно будет заменить. А до такой возможности обещал посылать в части, которым предстоят серьезные операции или которые находятся в трудном положении,- как представителя политотдела, на подкрепление комиссарам частей. Эту роль он мне отвел по причинам понятным: несмотря на свою молодость, 19 лет, я уже прошел школу партизанской борьбы в Приморье, борьбы с японцами после 4-5 апреля, был ранен, имел за плечами комиссарский стаж, имел среднее образование, был относительно политически грамотен и был уже известен ему как хороший агитатор-массовик. Но, кажется, я уже расхвастался..."

Нет, Фадеев не хвастался и заслуг своих не преувеличивал; он их, напротив, даже при уменьшил- уже тем хотя бы, что девятнадцать ему тогда еще не наступило; до нихоставались месяцы, равные в таких условиях годам.

4-5 апреля, однако, в жизни Булыги-Фадеева были и, как усвоенный урок, остались. (В ту ночь японские интервенты внезапно напали на гарнизоны Владивостока и Хабаровска, на партизанские части Приморья, осуществив свой 'удар одновременно и коварно.) Ну а Борзя... Она, эта операция, стала для него экзаменом в условиях не партизанской, но

уже армейской службы; участие в ней (с учетом, конечно, всего предыдущего) и предопределило назначение его комиссаром.

...Борзя. Многие ли о станции этой и поселке при ней слышали? Просто ли найдем мы на современной карте город с таким названием, пусть даже подскажут нам: ищи на Амурской железной дороге? Но тогда непривычное уху название прогремело и звучало долго: Народно-революционная армия дралась за станцию и поселок с исключительным ожесточением.

Из того же письма Булочникову: "22-й... готовился брат Борзю. Я провел политработу с бойцами и участвовал во всей этой Борзинской операции полка, "прицепившись" к 3-му батальону..;

Операция... была проделана полком очень смело, но силы одного полка были малы, чтобы занять Борзю. Прорвали восемь рядов проволочных заграждений, заняли окраину и не могли перейти широкую улицу, перпендикулярную железной дороге, так как был сильный огонь с противоположной стороны улицы и особенно фланговый, пулеметный - то ли с белого бронепоезда, то ли просто выставили пулеметы с флангов, сейчас не помню".

Не помнил частности- помнил главное. Как в тридцати - сорокаградусные морозы не по-зимнему одетые и обутые бойцы под шрапнельным огнем: врага, численность которого значительно превосходила их собственную, бросались на проволочные заграждения, врывались в окопы противника, обрушивали на него свои штыки и гранаты. Как падали от пуль и снарядов, обмораживали руки и ноги, слепли от сверкающей белизны снега, а все-таки отвоевывали пядь за пядью, метр за метром. |i с какой горечью отступали: слишком мало оставалось патронов и снарядов, слишком велики были потери; люди засыпали буквально на ходу. Требовались передышка, отдых - пусть самые кратковременные. Комбриг Бондарев доносил начдиву Попову: "Считаю необходимым просить разрешения дать частям участка хоть двое суток". Через долгие годы Фадеев писал: "И разрешили нам отойти перед самым утром..."

Нам! Он был в цепи 3-го батальона от начала наступления и до приказа о временном отходе, потом, когда вернулся в политотдел дивизии, вместе с другими обсуждал ситуацию, а через два дня снова отправился в полк, чтобы пойти на последний, решающий штурм Борзи. Пойти самому и повести за собой других. "Удар наших частей,- доносил 15 ноября Бондарев,- был настолько стремителен, что противник заминированный мост, водокачки и станции) оставил целыми". А после взятия Борзи с ходу - дальше: в бои за станцию Даурия, которую захватили 20-го числа. Среди трофеев оказались совсем редкие тогда автомобили и уж вовсе диковинная по тем временам техника - аэропланы. В письме к Булочникову Фадеев вспоминал: "Помню этот великолепный ночной бой, артиллерийскую дуэль, взорвавшуюся церковь -

она была начинена снарядами... Все части, участвовавшие во взятии Даурии, захватили много муки, сахара. Изголодавшиеся бойцы разводили костры на улице, на полу казарм и пекли примитивные лепешки с сахаром, угощая всех..."

Политотдел дислоцировался уже в Борзе. Со станции Даурия Александр отправился туда. Мысли о новом назначении не было. Но в боях последних недель комиссар 22-го полка получил тяжелое обморожение; тот, кто сменил его на посту, надежд не оправдал; вот и послали комиссаром Фадеева.

Для полка он был человеком не новым, и особо представляться ему не понадобилось. Известность к новому комиссару пришла раньше - в боях-походах.

Переход накануне вступления в двадцатый год жизни прогулкой не был. Полку (и всей бригаде, всей дивизии) предстояло стянуть свои силы, собраться в кулак, подготовиться к операциям последующим.

Из приказа начдива Попова и военком а Логинова: "...2) Для лучшего расквартирования и продовольствия войск Забайкальской армии Главком приказал: вверенной мне дивизии выступить походным порядком и сосредоточиться в районе городов Нерчинск - Шивкинекое - Монастырское - Савватеевское не позднее 25 декабря, где продолжать реорганизацию, оставаясь в армейском резерве..."

Из письма Булочникову: "...вместе с полком и с другими полками мы проделали путь пешком из-под Борзи под Нерчинск, в деревню Шивки. Как вы, наверно, помните, нас направили в этот тяжкий зимний поход пешим порядком не только из-за ужасной разрухи транспорта, а и для того, чтобы мы оставили на месте большие запасы белой муки и сахара, захваченные у противника в Даурии. Но мы обратились к помощи населения и вывезли свою мучку и сахар на новое место..."

Идея переброски продовольствия принадлежала комиссару полка Булыге-Фадееву, взявшемуся осуществить ее и практически. Немало потратил он сил, красноречия, упорства, чтобы убедить крестьян Даурии запрячь лошадей в сани и с грузом пуститься по снежному бездорожью. Понятное дело, не за так, не за здорово живешь - платить пришлось той же мукой и тем же сахаром. Зато главная часть добра осталась в распоряжении полка и бригады. Теперь голода можно было не страшиться. А это значило, что и морозы, которые держались с ноября, пугали меньше: на сытый желудок они казались терпимее.

Посвященные в историю с продзапасами удивлялись хозяйской сметке Булыги. Совсем "зеленый", из интеллигентов, а гляди как устроил! Он же не таил своей радости: сами отбили - сами и пользоваться будут. Надо голодному не откажут, с товарищами поделятся. Не скопидомы они, не индивидуалисты: Но в войне ни без боеприпасов, ни без еды не обойдешься. И через три с лишним десятилетия не угасало в нем это чувство

удовлетворения: "...впоследствии никакие комиссии свыше уже не могли у нас эти запасы обнаружить".

... Переход проходили без особых заминок. С чистой совестью подписывал он вместе с комполка Шамониным рапорт в штаб бригады: "Во время следования происшествий никаких не случилось".

В походе - пешем, по зимнику - полк находился уже больше недели. Люди заметно устали, но до конечного пункта маршрута оставалось теперь недалеко. Шивки были в каком-то десятке верст. К вечеру их примут теплые дома, ночевать можно будет под крышами. Значит - шире шаг, значит - веселее, красные бойцы. Еще один рывок - и мы у цели!

Комиссара видели то тут, то там. В голове колонны, в хвосте ее. С молодыми ребятами

и со старичками; На ходу решались вопросы разнообразные, порою неожиданные.

Еще на Чийдантской-2-й им был подписан приказ о назначении... учителей. Двух-трех

на роту, по возможности - в каждый взвод. "Придем на место--не забывайте про учение",- напоминал он тем, кому поручалось учить бойцов грамоте.

Сколько бы ни про

стояли в Шивках- учить! Неграмотность - враг революции! -

Своей рукой писал комиссар в первых числах декабря и приказ № 256: "...объявляю для сведения культурно-просветительную комиссию, избранную общим собранием батальонов и команд, к коей надлежит обращаться за всеми справками культурно-просветительного характера...

Председателя названной комиссии т. Китаевича - народармейца 1-й роты освободить от несения всех нарядов по службе,, Народармейца 4-й роты Карелина назначаю заведующим гарнизонным клубом и библиотеки..."

С Китаевичем, Карелиным, другими членами комиссии совещались на ходу: "Сегодня будем на месте - сегодня и начинать".

Сегодня - это означало 24-го декабря.

24 декабря 1920 года.,. На последнем переходе недельного их пути через тайгу ему и стукнуло девятнадцать.

С днем рождения он поздравил себя сам. Никто в полку о днях рождения Друг друга не знал и не думал.

Вспомнит мама в Чугуевке... Вспомнит Игорь Сибирцев - где он сейчас, что делает?... Вспомнят друзья-"мушкетеры", если, конечно, живы...

Подумать только - уже девятнадцать!

Глава вторая

1

Оставлять полк не хотелось. Не прошло и трех дней, как разместились на новом месте. Начали учебу - строевую, политическую, развернули изучение оружия, провели первые тактические занятия... Но приказ есть приказ, а он велел: без промедления ехать на конференцию военкомов и секретарей партячек. Хорошо, что близко - вернуться сможешь в любой момент. Только лучше бы все-таки не ехать, от товарищей не отрываться. Не верилось даже, что комиссарству его нет и месяца - так с этими людьми сроднился.

"Уезжая в командировку... временно исполняющим должность военкома полка оставляю тов. Кобытова, коему вступить в исполнение обязанностей с 27 декабря с. г. Комиссар Булыга".

Но в этот день продолжал он еще заниматься прямым своим делом - оторваться от него было выше сил. Уехал только под вечер, А 28-го числа уже участвовал в конференции. Она проходила в Народном доме - еще недавно собственных хоромх богатого сибирского купца Бутова. Экстренного созыва политсостава и партактива потребовала

необходимость определить отношение к Учредительному собранию ДВР.

Дальневосточная республика образовалась на пространствах Восточной Сибири и Дальнего Востока еще в апреле 1920-го. Столицей ее поначалу был Верхнеудинск, ныне Улан-Удэ, а с октября стала Чита. Создание ДВР, по форме своей государства буржуазно-демократического, диктовалось главным образом соображениями международной политики. Прежде всего оккупацией значительной части территории Японией и ни на день не утихавшей экспансией мирового капитализма против Советской России.

Идти на открытый военный конфликт у рабоче-крестьянского правительства сил не было, немедленное восстановление власти Советов на Дальнем Востоке и в Сибири в такой обстановке успеха не сулило, потому-то ЦК РКП (б) и Совнарком во главе с В. И. Лениным и пошли на такую меру, как образование между Россией и Японией временного демократического государства. Существование Дальневосточной республики позволяло избежать невыгодного в данный момент вооруженного столкновения между Советами и японскими агрессорами, ослабить петлю экономической блокады, возобновить торгово-экономические связи с США и другими капиталистическими странами, а значит, и подготовить почву для будущего переустройства жизни на началах социалистических.

Прибайкалье, Забайкалье, Приамурье, Приморье, Камчатка, Северный Сахалин - полтора с лишним миллиона квадратных километров с почти двухмиллионным населением - входили в эту республику, руководило которой правительство из представителей разных партий и групп, но во главе с коммунистами. Работало оно в условиях сложных, решения рождались в спорах, однако шло все в основном на пользу дела.

Два года спустя, после разгрома белогвардейцев и интервентов, территория ДВР войдет в состав РСФСР, сейчас же было важно укрепить партийное, советское, революционное влияние во всех звеньях управления республикой.

В эти дни повсюду выбирали представителей в Учредительное собрание. Предстояло выработать и принять конституцию, образовать новое правительство. Какими они будут? Это, в конце концов, решалось и здесь, сейчас, в Нерчинском Народном доме. Дебаты не утихали много часов подряд. Меньшевики и эсеры пытались протащить в представительный орган своих людей. Большевики не поддавались. Верх брали они.

От 8-й стрелковой бригады кандидатом в Учредительное собрание конференция выдвинула Ф. П. Булочникова. Предложение об этом внес Булыга.

На следующий день переделав много разных дел и в политотделе, и в штабе дивизии, он попал на вечер бойцов Народно-революционной армии. Попал ненароком, гостем, однако в любой обстановке осваивался юный комиссар быстро. Так получилось и на этот раз. Еще несколько минут назад Александр вроде бы робел, но, задело что-то за живое, подхватило, разожгло и вот уже решительно поднялся, смело рванулся к трибуне.

"В первом ряду сидели члены штаба армии: Велехов, Постышев, Серышев, Мельников и другие, а со сцены неслась по-мальчишески звонкая и очень красивая речь молодого политработника, одетого в армейскую форму. Это Саша Фадеев образно рисовал два мира: мир праздной и развращенной буржуазии, поднимающей в холеной руке не стакан вина, а стакан, наполненный кровью рабочих; с другой стороны - мир тружеников, чьими руками создается богатство и красота для жителей дворцов. Созидатели этих богатств живут в лачугах и харкают кровью...

Зал, наполненный бойцами, затаив дыхание, слушал эту огненную речь, проникнутую таким вдохновением, такой страстностью, что казалось, все это видишь воочию перед собой, и сердце закипало ненавистью к одним и проникновенным уважением к другим, В задних рядах стояли бойцы, которые только что сменились с караула, и вот, как были на посту - с винтовками, в шинелях - замерли, вслушиваясь в эти слова".

Вместе со многими другими слушала Булыгу-Фадеева и автор приведенных здесь строк Тамара Головнина.

Сашу она знала с детства.

2

Когда во Владивостоке 1981 года пожимал я руку Тамаре Михайловне Головкиной, старой женщине с удивительно молодым взглядом, "восьмидесятилетней комсомолке", как метко окрестил ее кто-то из

участников встречи, не оставляла меня мысль о том, что руку мне протянул сам Фадеев. Протянул прямо из юности...

Их дружба, казалось, родилась вместе с ними самими. Продолжалась она всю жизнь.

- Мы действительно знали друг друга с детства,- рассказывала Головнина.- Первый раз я увидела "хлопчика из Чугуевки" --Сашу Фадеева во владивостокском доме его тетки, Марии Владимировны Сибирцевой, где он жил, а я была частой гостьей. Саша Фадеев показался мне тогда самым обыкновенным мальчишкой. Среднего роста, худощавый, часто и много смеющийся, с азартом играющий в лапту и бабки --таким он и сейчас стоит перед глазами. Конец им, этим годам пришел, однако, неожиданно скоро. Может, со звоном кандалов арестантов, которых водили по нашей улице? Или с чтением хороших, настоящих книг о борьбе за народное счастье? Или с первыми заданиями, которые мы выполняли, получая их от революционно настроенных знакомых наших семей?

В революционное движение молодежи Тамара Михайловна включилась еще гимназисткой. Во время колчаковщины и иностранной интервенции участвовала в работе большевистского подполья, в партизанском движении на земле Приморья. В сентябре восемнадцатого вступила в партию коммунистов, в девятнадцатом была схвачена белогвардейцами, заточена в тюрьму, но совершила удивительный по смелости побег. Скрывалась под чужим именем, работала в нелегальной типографии, составляла, печатала и распространяла листовки, выполняла самые различные поручения большевистского комитета. Позже она была сотрудником политотдела стрелковой дивизии и аппарата Коминтерна, училась (окончила Тимирязевскую академию), вела руководящую партийную и советскую работу, трудилась по агрономической своей специальности в разных местах страны. "Когда я читал твое письмо, перед моим мысленным взором встала вся твоя незаурядная и необыкновенная, и не очень легкая, но в то же время такая чистая и благородная судьба!" - писал ей Фадеев в 1952-м, собираясь съездить в укрупненный колхоз на Псковщине, где Головнина тогда председательствовала...

Можно себе представить, как обрадовались они встрече в Нерчинске! В последний раз перед этим друзья распрощались в Благовещенске, куда не без препятствий, опасностей, приключений добрались из Владивостока.

- Осенью 1920-го,- слушал я рассказ Тамары Михайловны,- мы втроем (Игорь Сибирцев, Саша Фадеев и я) отправились по воле подпольного большевистского комитета служить в Народно-революционную армию. Пробирались с нелегальными документами. Игорь имел паспорт на имя Селезнева, Саша был Булыгой, а я превратилась в латышку - Амалию-Мальвине Нератнис. Потом, в письмах, Саша назвал это путешествие через Северный Китай и Маньчжурию "феерическим". До сих пор вижу, как мы

сидим ни живы ни мертвы, а люди в мундирах сосредоточенно изучают наши паспорта... Проверки следовали одна за другой, и однажды на пароходе, который шел по Сунгари и Амуру, я заставила своих товарищей поволноваться. Английская таможня, контролировавшая китайское пароходство, учинила очередной паспортный контроль. Документы собрали, проверили. Наконец пришло время их возвращать. Чиновник объявляет мою новую "фамилию", а я о Нератнис и думать позабыла. Чиновник повторяет - реакция та же. Только глянув на Игоря, поняла, какую оплошность допустила и что могла наделать. Вот так подпольщица!.. Ничего другого не оставалось: прикинулась дремавшей. За эту "рассеянность" досталось мне от друзей по всем правилам революционной критики. А будь у них мой характер - поколотили бы...

Несколько дней спустя каждый отправился по своему назначению. Друзьям, еще более сроднившимся в отнюдь не праздном путешествии, пришлось расстаться. Время было такое, что могли более и не встретиться. Но вот неожиданная встреча в Народном доме... Служили, оказывается, в одной дивизии и - надо же - о том даже не подозревали. Для Головниной, для Фадеева встреча стала лучшим подарком, будто вдруг расщедрился старый и добрый Дед Мороз.

К Новому году Фадеев вернулся в поселок Шивки.

"Прибывшего со съезда из гор. Нерчинска военкома Булыгу Александра полагать налицо..." - объявлялось в приказе по полку.

Приказ же по дивизии он привез с собою и зачитал в ротах сам: "Поздравляю народармейцев и комсостав вверенной мне дивизии с праздником Нового, 1921 года, который мы и Советская Россия встречаем победителями: враги наши разбиты на всех фронтах".

3

Сколько вместил он в себя, год уходящий! В эту новогоднюю ночь - тихую, спокойную - вспоминалась та, весенняя, с 4 на 5 апреля, пока в его жизни, пожалуй, самая тяжелая.

Всем своим заверениям вопреки, интервенты-японцы обрушили тогда на наши части и учреждения коварный, тщательно подготовленный удар. Одним махом рассчитывали они сокрушить народную власть, и сокрушить навсегда. Кровавые реки разлились по всему Приморью. Удалось схватить вожаков революционного народа- Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева, Алексея Луцкого.

Конечно, примерный ход мыслей Фадеева о тех часах реконструировать не так уж сложно, и читатель, думается, не посетовал бы на меня, литератора, за такие страницы. Права на домысел не лишен и писатель-документалист -

была бы в основе всего правда. Но не лучше ли прибегнуть к тому, что сохранила память прямых очевидцев и участников событий?

В Ленинграде я встречался с Вероникой Михайловной Сибирцевой, в замужестве Шу-шариной, родной сестрой Игоря и Всеволода, двоюродной - Фадеева. Много поведала она в воспоминаниях опубликованных. Но сейчас, когда веду это свое повествование, звучит во мне ее негромкий, взволнованный голос - живой голос живого очевидца событий...

- Партизанский отряд, в котором были Игорь и Саша, в это время находился в Спасске. Незадолго до того братья пригласили меня приехать к ним во время моих весенних каникул. Повидаться я была рада. Приехала на рассвете 5 апреля. На вокзале меня встретили Игорь и Саша. Но не приветливые, а обеспокоенные. Они были в шинелях, перепоясанных ремнями, вооруженные, с наганами. Сказали, что приехала я не вовремя, дали записку к кому-то в Спасске (по их словам, там могли предоставить мне приют), торопливо указали, куда идти, а сами побежали в свой отряд, который, как поняла, собирался покинуть Спасск.

Издали слышалась перестрелка. Я шла железнодорожным поселком. Спросить дорогу было не у кого. На улицах пусто, все ворота на запоре. Кругом слышалось какое-то посвистывание, и я даже не понимала, что это свистят пули. За углом улицы невесть откуда взявшийся мужчина схватил меня за руку, втолкнул в дом и молча приказал спрятаться за печку; оказалось, что и все прочие обитатели этого дома теснились за русской печью, спасаясь от пуль... Утром решила возвратиться домой. В городе стало потише, стрельбы уже не было. Когда я пришла на вокзал, чтобы узнать, как добраться во Владивосток, то увидела на первом пути длинный состав теплушек, возле которых лежали убитые партизаны. По-видимому, партизаны грузились в вагоны, но поезд уйти не успел, и все были перебиты. Мне вдруг показалось, что у одной из теплушек лежат мои братья. Я бросилась туда; но кто-то меня схватил и оттолкнул. К счастью, ошиблась... По совету Вероники Михайлоны я прочел заметки ее доброго знакомого Тимофея Ветрова-Марченко. По образованию фельдшер, он тогда, в Спасске, был "партизанским доктором", а памятной ночью находился рядом с Сибирцевым и Фадеевым.

"Саша Фадеев в момент выступления японцев находился в здании штаба!,- писал Ветров-Марченко.- В этом здании он и Сибирцев не только работали, но и жили постоянно. Под сильным обстрелом Саша Булыга (Фадеев), собрав важные дела политотдела и имевшиеся денежные средства штаба, вместе с несколькими бойцами, находившимися на охране штаба, покидали здание. Японцы беспрерывно обстреливали и здание штаба, и центральную улицу. Улучив момент, Саша с группой бойцов и начальником штаба выскочили из здания и начали перебегать улицу, чтобы укрыться за каменной стеной казармы. Японцы усилили огонь. Пулеметной очередью

были убиты начальник штаба и несколько бойцов. Саша Фадеев, раненный в бедро японской пулей, упал посреди дороги в грязь. К нему подбежал боец Свергун, поднял и отнес в укрытие. Через несколько минут раненого Сашу принесли ко мне на пункт первой медицинской помощи при Коммунистическом отряде. Увидев меня, Саша, преодолевая сильную боль, улыбнулся... и, опасаясь, что я начну переживать и звать его вне очереди, на мой вопрос, куда ранен, спокойно и предупредительно ответил: "В ногу, к счастью не смертельно... ничего, я подожду"... Ему было очень больно, но она не издала ни единого стоны и держалась молча...

Отходя из Спасска, партизаны несли раненых на руках. "...И сейчас вспоминаю вас с благодарностью и любовью..." - писал Фадеев Феодосию Свергуну, когда нашли они друг друга уже в тридцатые годы.

Он помнил, все помнил и десятилетия спустя.

"Я лично в значительной мере обязан Пищелке своей жизнью, - свидетельствовал в 1955-м. - Вместе с бойцами Коммунистического отряда, в сложных боевых условиях, через болота, по пояс в ледяной воде, Пищелка вынес меня, тяжело раненого, из японского окружения".

В лесу, на партизанской стоянке, еще не оправившись от раны и передвигаясь кое-как (острую боль причинял каждый шаг), Фадеев без дела не сидел. Начал выпуск газеты; сам же и название ей придумал - "Шум тайги". Писал в нее разное и о разном.

Ранение напоминало о себе долго. Но вспоминались уже не боль и не хромота, а то, как разыскал его Игорь Сибирцев. Потом Фадеев напишет: "Нашел, ни слова не говоря, положил голову на грудь... Это было единственное проявление нежности с его стороны за все время".

С Новым годом, Игорь! Да будет он счастливым для нас и нашего дела!

4

Нерчинск был для Александра городом декабристов. Наезжая в политотдел дивизии, он всегда торопился обратно, в круговорот полковых дел, которых наваливалось на него все больше. Но чем привычнее становились эти дома, улицы, тем чаще представлялись юному красному комиссару дворянские революционеры и декабристские жены - те, которые пошли на все во имя светлых человеческих идеалов. В той борьбе, которую вели Фадеев с товарищами, они казались соратниками.

О декабристах он читал много. Сейчас с книгами было туго и довольствоваться приходилось тем, что прочел прежде. Среди сокровенного жила в нем поэма Некрасова "Русские женщины". Повторял ее про себя и вслух; не раз делился этим своим богатством с народармейцами. Раньше с партизанами, а теперь с бойцами Народно-революционной...

Уже в недавние годы одно из таких чтений вспоминал Ильяхов Николай Кириллович, в прошлом командир одного из дальневосточных отрядов.

Ждали, рассказывал, походный обед, а пока, чтобы отвлечь измотанных людей от мыслей о еде, начал Фадеев читать Некрасовское.

...Читал он сначала медленно, бережно бросал каждое слово трагической поэмы массы и часто сторожко посматривал по сторонам, как бы боясь, чтобы сказанные им слова не пролетели мимо и чтобы каждое слово попало в самую глубину сердец слушателей;! Партизаны один за другим, не вставая с земли, кто как мог, тихо подползали по траве! ближе к месту, где стоял Саша, плотной массой окружили юношу и, затаив дыхание, слушали с таким вниманием, что никакая сила не смогла бы их отвлечь...

В котлах давно уже было готово немудрящее партизанское варево, и поэтому повара стали проявлять заметное беспокойство. На них никто не обращал внимания. К концу чтения Саша стал заметно уставать. Его лицо покрылось бледностью, и голос стал слабеть. Заметив это, подошел к нему Судаков и дал знать, что он желает его заменить в чтении. Саша с досадой отстранил от себя руку Судакова, оживился вновь и продолжал:

...Отовсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

От волнения голос его срывался, видно было, что ему становилось трудно дышать. И когда чтение подошло к эпизоду встречи героини с мужем в подземелье, Саша соскочил с пня, рванулся к партизанам и с глубоким волнением, чуть ли не шепотом, растягивая каждое слово стиха, прочитал:

...и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

Чтение это стоило дюжины превосходных политических речей... Судаковым был Григорий Билименко - близкий товарищ Фадеева еще с детства, как и он, коммунист, подпольщик, партизан. Тот Билименко, к которому писатель мысленно обратится под конец "Молодой гвардии". Помните эти за душу берущие слова: "Друг мой! Друг мой!.. Я приступаю к самым скорбным страницам повести и невольно вспоминаю о тебе..."? "Друг мой! Друг мой!" - обращался он к Григорию каждый день своей жизни. Были бы они, его друзья, рядом, сколько сил прибавилось...

Ехал снова и в пути читал Некрасова:

В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идёт;
Посередине дня - привал,
С закатом дня - ночлег,
А ураган в степи застал -
Закапывайся в снег!..

Ему представлялась княгиня Трубецкая, спешившая к мужу-декабристу...

Не мог Фадеев и думать, что о чтении им «Русских женщин» - том чтении, на партизанской стоянке, - слышал сам Сергей Лазо. Вернёмся к воспоминаниям того же Илюхова:

«Как-то в беседе за стаканом чая я рассказал Сергею Лазо о чтении Сашей поэмы Некрасова...Рассказывая, я вновь переживал волнение, которое испытывал в то время, когда это чтение происходило. Сергей слушал меня с большим вниманием и не сводил с меня своих больших чёрных глаз до конца рассказа. Когда я кончил, Сергей встал, походил по комнате, затем остановился против меня и сказал: «Знаешь что? Если Булыга прочитал поэму Некрасова так, как ты мне рассказал, значит, он сам имеет поэтические задатки. Это примечательно! Это очень важно иметь в виду!» Слова Лазо оказались пророческими..."

Лазо, как и Всеволода Сибирцева, как и Луцкого Алексея, этих испытанных руководителей трудового народа на Дальнем Востоке, интервенты подвергли страшным пыткам, а потом бросили в огонь паровозной топки.

Зверское убийство произошло еще в мае двадцатого.

...Теперь шел январь двадцать первого.

Глава третья

1

Из того января дошла до нас его характеристика в два слова: "Хороший, великолепен". Формулировка кажется странной, но так писали, и не нам судить, удачна она или нет. Ясно одно: оценивали по высшему счету.

С похвалой говорилось о нем и в списке политработников 3-й Амурской стрелковой дивизии.

"Булыга Александр Александрович, военком полка, назначен военкомом 30 ноября 1920 г., партстаж с 3.IX. 1920 г."...

Однако стоп - тут ведь ошибка! Не в первой дате - она точна. Во второй, касающейся приема в партию. Приняли действительно в сентябре, но только не двадцатого года, а восемнадцатого.

Принимал Владивостокский городской подпольный партийный комитет - воспоминания о том оставила Зоя Ивановна Секрета-рева, или Зоя Большая, как называли ее товарищи по революционной работе. Была она старше Александра на целых семь лет, в борьбе с самодержавием участвовала с 1913-го, во всем сопутствовала дальневосточным большевикам - Всеволоду Сибирцеву и Константину Суханову. В партию Зоя вступила в июне семнадцатого и ко времени приема Саши являлась в организации человеком видным.

Заседания подпольного горкома вообще-то устраивались в разных местах.- иной раз даже в... лодке, под видом прогулки праздных людей по бухте Золотой Рог. Но это происходило в навсегда памятном ему доме Сибирцевых.

Зое Ивановне собрание помнилось всю жизнь.

"...Саша,- писала она в воспоминаниях, -был всем собравшимся хорошо известен и проверен на практической работе.

- Ну что там обсуждать, знаем Сашку! как облупленного,- сказал дядя Ваня Раев,- позовите его.

Кто-то крикнул:

- Саша, входи!

Дверь открылась. И несмотря на то что все горкомщики были хорошо знакомы ему,! Саша вошел, сильно волнуясь. Вошел и сразу же прислонился к дверному косяку, словно него подкашивались ноги. Опустив руки по! швам, весь как-то вытянулся, подняв высоко голову. Я увидела его тоненькую, совсем ещё ребячью шею и подумала: "Ведь ему и семнадцати еще нет!" Застывший, сосредоточенный взгляд его приходился выше наших голов и был устремлен куда-то вдаль, через окно. И после объявления решения горкома о приеме Саши в партию он не сразу пришел в себя..."

Да, произошло это в сентябре восемнадцатого. Членом партии Саша стал, не проходя кандидатского стажа. Владивостокское подполье находилось тогда в условиях труднейших, партии нужны были самоотверженные, беззаветно преданные товарищи.

"Я действительно только первые шестнадцать лет был беспартийным,- говорил А. А. Фадеев в день своего пятидесятилетия.- Все лучшее, что я сделал,- на все это вдохновила меня наша партия".

Хороший, великолепен... Так звучала его характеристика в январе 1921 года.

Булочников, избранный делегатом Учредительного собрания, уезжал в Читу. Докладывая об этом начальнику штаба 8-й стрелковой бригады, он сообщал и о назначении временно исполняющим обязанности бригадного военкома товарища Булыги, военкома 22-го Амурского стрелкового полка.

Сдал - вступил.

Теперь он был в ответе не за один - свой - полк: с ним успел сродниться, в нем уже знал каждого. Знал в лицо, знал по характерам и делам. Отныне его гарнизонами становились и Шивки, и Савватеевское, и Монастырское. Суток не хватало, чтобы побывать в одном месте, в другом, в третьем. Впрочем, в третьем он жил: штабриг находился как раз в Монастырском, отсюда и шли все распоряжения по 8-й стрелковой.

Комбриг В. М. Бондарев - не чета ему, опытный военный, офицер с образованием. Одно время служил он под белым флагом, но с прошлым бесповоротно порвал, чтобы стать под Красное знамя и сражаться за дело народа. Не однажды Бондареву приходилось туго: в его действиях пытались усмотреть чуть ли не происки "классового врага". Такое недоверие к нему проскальзывало и перед штурмом Борзи, когда Бондарев в какой-то момент не позволил их 22-му отойти и одновременно отказал в подкреплении. "Если бы он дал той ночью и этот резервный полк на подкрепление нам, то, независимо от того, удалось или не удалось бы взять Борзю, он понес бы большие потери во всех трех полках, не имея больше резерва, остался бы без боеспособной бригады, а еще предстояли серьезнейшие операции..." Булыга-Фадеев написал это Ф. П. Булочникову в 1954-м, но понял: гораздо раньше, особенно тогда, когда по должности комиссара бригады получил возможность общаться с комбригом-8 каждый день, по разным поводам, в различных ситуациях. !

Не под одним приказом по бригаде стоят их подписи - немолодого, с солидным боевым опытом, беспартийного командира и его, девятнадцатилетнего коммуниста-военкома. Бондарев... Булыга...

Пожелтевшие от времени листы в делах из фонда № 1093 Центрального государственного архива Советской Армии хранят не только свидетельства боевых будней бригады, но и содружества её руководителей - военного и политического.

Комиссаром бригады пробыть довелось недолго: уже 3 февраля его избрали делегатом конференции военкомов, политработников и коммунистов ячеек РКП (б) Народно-революционной армии Дальневосточной республики, и сразу же он отправился в Читу. Но эти дни вспоминались им до конца жизни и казались уже не днями, а неделями и месяцами.

Фадеев - Булочникову: "...какой-то срок, месяца два, я замещал Вас, был Врид комиссара 8-й бригады..." Школа работы в полку продолжалась

академией бригадной, пусть даже самой ускоренной. Особенно много дала она ему в понимании людей.

Военком Булыга и раньше симпатизировал комполка Шамонину. Работали они в полку дружно, один другого поддерживая. Теперь встречаться приходилось реже, но с "бригадной вышки" многое в этом человеке виделось отчетливее. Понять Шамонина помогало и общение с Бондаревым: судьбы их были в чем-то схожи. В представлении молодого комиссара складывался уже не расплывчатый, а достаточно полный образ человека незаурядного, с судьбою не прямой, сложной.

Сын крестьянина приволжского села, он учился одно время в Казанском университете, из патриотических чувств ушел на первую мировую, храбро воевал, был ранен, награжден, искалечен, снова дрался - так и подошел к Октябрю. Смысл, значение революции дошли до него, однако, не сразу. Помотала его жизнь по городам и весям, бросая из одного сражения в другое, заставляя держать все новые испытания. Попал в армию Колчака, был в корпусе генерала Каппеля, отступал вместе с ним в Сибирь. Участвовал в "ледяном походе" разбитых каппелевских отрядов - в обход Иркутска на Забайкалье. Прозревал трудно, но понимание того, что белое движение антипатриотично, антинародно, росло, созревало, утверждалось, заставляя искать выход. Большевиков он боялся, однако куда большим был страх за то, что так и заблудится в глухом лесу жизни, не выйдет к людям, к народу, обретающему новый свет. Быть врагом своего народа? О нет! -И как писал потом Фадеев, когда Шамонин соприкоснулся с забайкальской атаманщиной, с японцами, с семеновцами, он с группой солдат еще задолго до того, как начался массовый переход каппелевцев, перешел к партизанам. "...В полку даже самые распартизанские элементы не корили его службой у белых, относились к нему с уважением, как к человеку своему, проверенному в боях".

Вот он, образец того, как постигал молодой политработник окружавших его людей, узнавал их и, опираясь на реальное, лепил образы. Учился лепить...

Войдя в его жизнь однажды, оставались в ней такие люди навсегда. Остался и Шамонин. После гражданской он поселился в Подмосковье, учительствовал в селе. Развел пасеку, потчевал своего бывшего комиссара медом. В Отечественную организовал партизанский отряд. Как командир его, получил второй боевой орден (первый заслужил еще на Дальнем Востоке). После освобождения района от захватчиков возглавлял народное образование, потом директорствовал в сельской школе. Умер он в начале пятидесятых годов. Александр Александрович помогал его детям.

Так или иначе, но на конференцию в Читу Булыга ехал уже военкомом бригады.

Той конференции суждено было сыграть в его жизни роль выдающуюся, высветить если не весь, то ближайший жизненный путь Фадеева.

Много анкет он заполнил, но подробнее ту, которая была составлена в марте 1920-го, когда Спасская партийная организация избрала его на IV Дальневосточную конференцию большевиков. Анкета хранится в партархиве Хабаровского крайкома КПСС, вошла в страницы жизненной летописи А. А. Фадеева и, как полагаю, окажется нелишней здесь, в повести-хронике его юности.

Итак, вопросы - ответы: партия спрашивает - коммунист, отвечает. Лаконично, четко, по совести.

...Фамилия, имя и отчество: Булыга-Фадеев Александр Александрович.

...Семейное положение: холост. Имею старшую сестру и двух младших братьев; есть мать - нет отца.

...Возраст: родился в 1901 году 1.1 декабря. (Стиль он указывает старый; к новому еще не привык. - ввели его всего два года назад.)

...Национальность: великоросс. (Мог бы написать: русский, однако прибег к слову, которое тоже было освящено традицией, но звучало более торжественно.)

...Образование: окончил 7 классов коммерческого училища во Владивостоке.

...Какими языками владеет: не владею, но знаю английский и немецкий языки. (Вот он, уровень его требовательности: "владеть" для него - это знать в совершенстве, а не только иметь навыки!)

...Род занятий: на военной службе. Адъютант штаба революционных войск Спасско-Иманского района.

...В каких профессиональных союзах состоял и состоит членом и какие в них работы выполнял: в профессиональных союзах не; был, работал в Рабочем Красном Кресте, во Владивостоке.

...Год вступления в партию: в 1918 году.

...В чем выражалась партийная работа в; нелегальное время: в нелегальное время работал после свержения Советской власти. Исполнял мелкие партийные поручения, как расклейка прокламаций и т. д. (Он знает] настоящих подпольщиков, а потому собственную свою работу относит к разряду "выполнения мелких поручений", истинное положение дел явно приуменьшая.)

...В чем выражалась партийная работа в легальное время: начинаю работать только теперь, после переворота в январе 1920 г. Состою членом комитета

Спасской организации, где и работаю по культурно-просветительной части и организации партийных ячеек в воинских частях.

...К каким отраслям партийной работы подготовлен: мало подготовлен по всем отраслям, кроме информационной и агитационной работы.

...К какому виду партийной деятельности имеет склонность: к работе агитационной и редакционно-издательской, но мое желание всегда непосредственно находится с массой, в которой я готов вести какую угодно работу, так как хорошо знаю массу и умею иметь с нею дело.

...Участвовал ли в партизанской борьбе: участвовал с 13 апреля 1919 года до переворота. Был вначале на Сучане, после разгона вместе с отрядом ушел на Иман и в последнее время был в Спасском районе. Был в отрядах тт. Ильюхова, Мелехина и Певзнера.

...В какой работе желает участвовать - государственной, общественной или партийной: общественной или партийной...

За десять с половиной месяцев со времени заполнения этой анкеты многие его сокровенные желания осуществились. Он испытал себя в боях партизанских, народармейских, побывал в самых различных переделках, узнал, что такое атака, каков он, многодневный переход через тайгу, в чем суть политической работы военкома крупной части, постиг искусство понимать и поднимать людей.

И вот Чита. Конференция военкомов и политработников Народно-революционной армии, коммунистов, избранных во всех армейских ячейках РКП (б), длилась в столице Дальневосточной республики целых пять дней - так много накопилось дел. "В программу конференции вошли вопросы, имеющие громадное значение для будущего строительства,- писала читинская газета "Боец и пахарь".- Нашим пламенным желанием является перевести армию на мирный трудовой фронт. Как и всегда, мы говорим, что только вынужденные обстоятельства заставляют нас держать армию под ружьем". Но то, что в передовой статье газеты спрессовалось в несколько лаконичных строк, в речах делегатов обретало десятки всевозможных оттенков, звучало как выстраданный опыт, как надежда-мечта, пронизывалось светлой любовью и яростной ненавистью. Конференция вырабатывала свою коллективную- позицию, с которой и шли дальневосточники навстречу X Всероссийскому съезду РКП (б). Открытие его приближалось.

Не думал он, не гадал, мечтать не мог, что прямо из Читы ехать на этот съезд и ему.

"Дано сие тов. Булыге Александру в том, что конференцией военкомов, политработников и комячеек РКП Нарревармии Дальне-восточной

Республики он действительно избран делегатом с правом решающего голоса на X Всероссийский съезд РКП, созываемый 10 марта с. г. в Москве.

Всем правительственным, военным и гражданским учреждениям, должностным лицам предлагается оказывать товарищу Булыге возможное содействие в продвижении его к месту назначения.

Провозимые им вещи и имущество осмотра и реквизиции не подлежат.

Вышеизложенное удостоверяется подписями и приложением печати".

Мандат был выписан 12 февраля.

В этот день - или днем позже - поезд с делегатами съезда тронулся в дальний путь.

Он ехал в Москву!..

Глава четвертая

1

Им завидовали. И как еще завидовали!.. Быть среди тех, кто отправлялся в столицу рабоче-крестьянского государства, хотелось каждому. Москва, она была такой далекой и близкой. Там жил и работал Ленин, там билось сердце революции.

"...Провожать Сашу, едущего в Москву на съезд партии, я пришел на Читинский вокзал,- вспоминал Ветров-Марченко, боевой его товарищ.- Стоял трескучий забайкальский мороз. Саша в это время был от радости, как говорят, "на седьмом небе". Увидев меня среди других провожающих, он подошел ко мне, крепко пожал руку и сказал: "Знал бы ты, друг мой, как я счастлив, что еду в Москву. Подумать только, еду в Москву на съезд партии. Ведь на съезде будет выступать Владимир Ильич Ленин, и я его увижу и услышу". Прошло столько лет, а я и сейчас помню, как он это говорил, как искрились его ясные светло-серые глаза, а весь он светился счастьем: увидеть Ленина было его мечтой..."

К чему высокие слова, когда и без них понятны высокие чувства? Но мысли его Тимофей прочел безошибочно.

Увидеть, услышать Ленина, поглядеть на Москву и... вернуться обратно, да поскорее...

Так, прощаясь, и говорил:

- До скорого, братцы! Ждите своего делегата!

Дежурный по станции в третий раз ударил в перронный колокол.

- По вагонам, по местам. Отправляемся.

В последний раз прощально обнялись Саша и Игорь; Сибирцев-младший в Читинской конференции участвовал, но в Москву не ехал.

- Все-все тебе расскажу,- говорил Фадеев, испытывая досаду от явной несправедливости; не его, а Игоря надо было выбрать делегатом, не он, а Игорь такой чести заслуживал. Конечно, всего лучше бы ехать вдвоем. Но...
- До встречи, товарищи!

2

- Конев Иван.

- Булыга Александр.

Назвали фамилии и имена, обменялись рукопожатием - знакомство соседей по купе состоялось.

"...В течение почти целого месяца ехали вместе от Читы до Москвы в одном купе, ели из одного котелка. Оба мы были молоды; мне шел двадцать четвертый, ему - двадцатый; симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товарищеским отношениям..."

Это из книги "Записки командующего фронтом. 1943-1945". Соседом и товарищем Булыги-Фадеева в долгом пути на съезд оказался будущий Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Иван был из вятских крестьян-бедняков. Оба родились в декабре, почти день в день, только Конев на четыре года раньше, в 1897-м. Эти четыре сроком оказались превеликим. Сосед был в первую мировую призван в армию, прошел через учебную команду, готовившую унтер-офицеров, оттуда и отправился на фронт. Юго-Западный... Здесь он впервые услышал слово большевистской правды, стал приверженцем тех, кто звал к борьбе с самодержавием, за землю, волю и лучшую долю, участником революционного Движения солдатских масс. После Великого

Октября, вернувшись на родину, Конев включается в активную работу по установлению, упрочению Советской власти в родном вятском крае. Его избирают членом уездного исполкома, ставят уездным военным комиссаром, доверяют самое трудное.

- В партии с какого?

- С восемнадцатого...

Их партстаж был одинаковым, но конечно же Иван успел сделать для революции больше, чем он. Так, или почти так, думалось Александру всякий раз, когда слушал рассказы этого крепкого, ладного парня.

В том же восемнадцатом вступил Конев добровольцем в Красную Армию. Был и просто бойцом, и комиссаром бронепоезда, и военкомом полка, бригады, славно повоевал в разных местах России. И на родной Булыге-Фадееву дальневосточной земле тоже.

Родной не по рождению - по жизни.

Родился Фадеев в Кимрах Тверской губернии. Отец был крестьянского роду-племени, пермяк, а значит, сосед вятичей Коневых. Крестьянствовал в детстве и он. Потом выучился, учителем стал. Учителем и... народовольцем. Еще в 1885-м привлекали его к дознанию при Пермском губернском жандармском управлении. Что стало к тому поводом? Участие в распространении среди крестьян идей антирелигиозных и, как сочли власти, антиправительственных. Не больше и не меньше. Конечно, этого было достаточно, чтобы крамольника лишили права учительствовать. Немало поездил, поскитался он по стране. Растил хлеб, сплавлял лес, нанимался чернорабочим и санитаром, а "противозаконной" деятельности не прекращал. Переехав в Петербург, включился в работу столичной группы народовольцев, стал одним из ее руководителей. Арестовали, посадили в Петропавловскую крепость, держали там долго - следствие тянулось почти полтора года. Потом выслали: в Архангельскую губернию, под гласный надзор полиции. Туда, в Шенкурск, под видом невесты приехала к нему Антонина Кунц, учившаяся тогда на петербургских Рождественских курсах. Приехала как связная, а стала женой. "Моя общественная работа,- вспоминала Антонина Владимировна,- началась с поступления в школу лекарских помощниц, там я познакомилась с товарищами, принимавшими участие в революционном движении, и стала выполнять их поручения, как-то: хранение революционной литературы, распространение ее, сбор средств, посещение политзаключенных и т. д.". Первенцем семьи была Татьяна, вторым у Фадеевых появился Александр.

Но ни Кимры, ни отца Саша не помнил. Отца потому, что расстался тот с семьей на пороге его шести лет, а Кимры... Прожили там совсем недолго - после них были и Курск, и Вильно, и Уфа, пока наконец не приехали во Владивосток.

Лишь в последние десятилетия биографы писателя смогли отыскать в разных архивах материалы о революционной деятельности А. И. Фадеева, которая продолжалась до последних дней жизни этого незаурядного человека. Расставшись с семьей (по свидетельству Татьяны, старшей сестры, "отец был суровый человек, считавший, что революционеру не нужно иметь семью"), он вернулся на родину, в Ирбит, принимал деятельное участие в борьбе пролетариата, снова и снова подвергался арестам, попал в Сибирь, подорвал здоровье и еще до Октябрьской революции умер от туберкулеза.

Связи его с бывшей женой и своими детьми, со всей родней оборвались давно и окончательно. Александр о нем не знал ничего.

Зато мог он рассказать об отчине - Глебе Владиславовиче Свитыче, сыне польского революционера и писателя-народника В. Свитыча-Иллича, фельдшере железной дороги, с которым мать познакомилась в Вильно, где тот и служил, и вел работу в нелегальном социал-демократическом комитете.

Татьяна Александровна писала: "Сочувствуя революции, Антонина Владимировна стала помогать Глебу в его революционной работе: принимать из-за границы и переправлять оружие для боевых дружин, хранить нелегальную литературу. Совместная работа сблизила Свитыча и Фадееву, и вскоре (в 1907 году) они поженились. Этот брак был желанным и для нас, детей". Но теперь уже не было в живых и Свитыча: в апреле 1917-го его свел в могилу тиф. Заболел он и умер в действующей армии, далеко на западе России. Как последний привет семье переслали сослуживцы в Чугуевку фамильное кольцо Свитычей: в него было впаяно железо от кандалов польских каторжан в Сибири. С душевным трепетом держал я на своей ладони это кольцо: оно теперь в Чугуевском мемориальном доме-музее А. А. Фадеева.

Память о родных и близких, беспокойство за них, тревога о дорогих сердцу людях всегда отличают хорошего человека от самовлюбленного эгоиста. Ни Конев, ни Фадеев не могли, разумеется, думать и говорить лишь о себе самих.

Возникали перед ними образы матерей.

Перед Иваном - изможденная, трудом и бедами измученная, но всегда к добрым людям ласковая крестьянка.

Перед Сашей - истинная народная фельдшерица, жившая интересами окружающих, внимательная к каждому, готовая и ради детей своих, и ради всех ближних пойти на любые лишения.

Свой гимн матери он воспоет много позже, в "Молодой гвардии", но уже сейчас, на двадцатом году жизни, как слышится мне, мысленно обращается к ней со словами, которые вложит впоследствии в уста совсем юного Олега Кошевого:

"...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой,- он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои,- ведь им столько выпало работы в жизни, но всегда казались мне такими нежными., и я так любил целовать их прямо в темные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе...

...Я видел, как они месили глину с коровьим пометом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шелка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдавским вином. А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки,- отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои... мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели... Я целую чистые святые руки твои!"

Юность скупа на словесные изъяснения чувств. Но они, Иван Конев и Саша Фадеев, понимали друг друга даже тогда, когда молча глядели в окно, за которым проплывала бесконечная земля.

Земля сибирская, им дорогая...

3

И по географии общей, и по географии экономической ученик Владивостокского коммерческого училища Фадеев Александр имел пятерки, только пятерки. Какая она, эта Транссибирская, представлялось ему достаточно хорошо. Магистраль строили целых двадцать пять лет, от Владивостока до Челябинска железная дорога тянулась на протяжении семи тысяч верст. Теперь названия станций, доселе знакомые по учебникам и картам, становились не просто "лично известными", но и как бы осязаемыми.

В "Записках командующего фронтом" Иван Степанович Конев вспомнил ту их поездку на страницах, где вел он свой рассказ о завершении первого этапа Берлинского сражения, о днях, когда разворачивалась битва за овладение самим Берлином и совсем близким было уже полное и окончательное поражение гитлеровской Германии. "В ходе операции войск 1-го Украинского фронта это был день, переломный на всех направлениях. Утомительный и хороший день. Такой, за успех которого, закончив наконец все дела и глядя на ночь, не грех бы и выпить чарку. Однако ни на что постороннее, даже на чарку перед сном, времени не оставалось..." И все же тогда, 24 апреля, по невесть какой ассоциации пришли к нему, маршалу, воспоминания о том, что было в феврале - марте 1921-го. Впрочем, не "невесть отчего". Он вспомнил генерала Рязанова, начавшего свой путь политработником, потом ставшего летчиком и крупным авиационным командиром, подумал, что в нашей армии это путь не столь уж редкий, и вернулся к началу своей собственной боевой судьбы, несколько лет которой были целиком отданы комиссарской работе. Вспоминал полководец те годы с чувствами по-особому теплыми.

"...Сейчас я заговорил об этом, записывал он уже после Великой Отечественной,- для того, чтобы вспомнить об одном интересном и даже замечательном человеке, с которым меня свела в те годы судьба по дороге на X съезд партии. Я имею в виду комиссара одной из дальневосточных бригад Александра Булыгу, который впоследствии стал известен всей стране как писатель Александр Александрович Фадеев. Тогда мы оба, и он и я, были

избраны от армейских партийных организаций Дальнего Востока..." Поездка врезалась в их память навсегда.

По очереди бегали на станциях за кипятком и провиантом, как братья делили кусок хлеба и немудрящее варево. "Из одного котелка" - этим сказано все.

Каждый день и час рождал новые темы разговоров. Иной раз говорили наперебой, не в силах переждать, пока выскажется товарищ. Тотчас, без передышки, хотелось выразить согласие или несогласие, сказать о том, что было с ним или на его глазах, выявить собственный взгляд на вопрос принципиальный. Непринципиальных вопросов для них не существовало: в ранг первостатейного возводилось все, с чем сводила жизнь. Но, конечно, самым главным была для них революция. Ею они жили, она давно стала и их мечтой, и их дыханием.

Конев лучше его знал жизнь крестьянскую. Сам из мужиков: отец, дед, прадед, вся родня на земле от рождения работали. Может, не так уж долго, но в охотку, горячо и активно потрудился Иван в сельской глубинке, на практике осуществляя ленинский Декрет о земле, утверждая Советскую власть в селах, борясь против всех и всяких врагов переустройства жизни на новый лад.

Александр был больше человеком городским. Хоть и знал, как хлеб растят, как и чем село живет, да не изнутри знал, многое воспринимал по верхам, в чем теперь чистосердечно признавался.

Не таясь, рассказал попутчику, что произошло с ним на I съезде трудящихся Ольгинского уезда, где довелось быть не только делегатом, но и секретарем. Только со временем понял, что выступил там с запальчивостью чрезмерной, не очень-то взвешивая все "за" и "против".

То был особый, необычный съезд. Отличался он, во-первых, многонациональностью своей: в Ольгийском уезде жили русские, украинцы, корейцы, китайцы, латыши, эстонцы, финны, молдаване и многие местные "туземные" народности. Стояли на съезде вопросы жгуче-острые - земельный, например, или о регулировании цен на хлеб, рыбу, мясо. Стояли тем более серьезно, что район находился в окружении врагов: в двадцати километрах шли бои с интервентами, вот-вот мог нагрянуть японский десант.

"...Цены на хлеб были очень высоки, а на рыбу - ничтожные. Этот вопрос на съезде приобрел огромное значение. Грозил раскол между двумя большими группами населения...

Настолько разгорелись страсти, что я, будучи человеком молодым и горячим, выступил и сказал, что, упорствуя в этом жизненном для рыбаков вопросе, хлеборобы ведут себя не как трудящиеся люди, а как кулаки. Можете себе

представить, как это было глупо и нетактично! Поднялось такое возмущение, что пришлось объявить перерыв.

Во время перерыва Лазо подошел ко мне, посмотрел на меня довольно выразительно своими умными глазами, ничего не сказал, только головой покачал. Я готов был уйти под землю..."

Много позже его воспоминания о том бурном съезде оживут на страницах "Последнего из удэге"-лягут в основу одного из важных сюжетных мотивов романа.

Но это будет через годы и годы. Рассказывая о случившемся своему попутчику, он едва ли не впервые пытался сейчас осмыслить уроки съезда трудящихся Ольгинского района и свое там поведение.

Конев воспринял его рассказ сочувственно.

- Много мы дров наломали,- отозвался, будто припечатал.- На ошибках, браток, и учимся...- А вопрос задал вроде не по сути, не об этом: - Так ты Лазо видел?... - И видел, и слышал...

- Расскажи!

Поезд шел на запад.

Глава пятая

1

Шел и шел...

- Лазо был бесстрашным революционным борцом, коммунистом высокой рыцарской чести и благородства.

Так он скажет о нем многие годы спустя, вспоминая все, что было для него связано с этим удивительным человеком. Теперь же он рассказывал о Лазо под перестук вагонных колес, а попутчик - будущий маршал - ловил каждое слово, старался выпросить, узнать побольше.

Впервые Саша увидел Лазо давным-давно - так, по крайней мере, ему казалось. На самом деле случилось это всего два года назад в январе 1919-го.

В домике, где жил железнодорожный рабочий дядя Митя, проходил нелегальный пленум Дальневосточного краевого комитета большевиков. Саше, начинающему тогда партийцу, дали задание -скрытно провести туда работника Центросибири Дельвига, а по окончании доставить его обратно: Владивостока тот не знал. Тут-то и бросилось ему в глаза одно совершенно примечательное лицо.

- Лет двадцати трех, ростом выше всех на голову, с лицом поразительной интеллектуальной красоты,- рисовал он портрет незнакомца.- Овальное смуглое лицо, крылатые брови, волосы черные, густые, глаза темные,

поблескивающие, черная вьющаяся бородка и необыкновенно умное лицо. А в движениях какая-то угловатость, характерная для людей застенчивых...

Совсем скоро, однако, мысль о его застенчивости растаяла без остатка.

Между прочим, не будучи членом подпольного комитета, Саша не имел никакого права находиться на его заседании. Но что поделаешь, если январский мороз не позволял прогуливаться во дворе! Кто-то и спросил: "А что, если мы уложим его на постель дяди Мити и заставим в порядке партийной дисциплины спать?"

- Разумеется, никто не думал, что на самом деле усну,- смеялся рассказчик и продолжал: - Я лег лицом к стене и, конечно, не уснул ни на минуту, жадно слушая все, о чем говорили комитетчики.

Здесь он и услышал доклад по текущему моменту, отличавшийся необыкновенной логикой мысли, красотой и убедительностью каждого слова.

Имя докладчика ему - уже позже - назвал Игорь Сибирцев. О Лазо (то был он) брат говорил с восторгом:

- Это же изумительный человек: прекрасный математик, блестящий шахматист. И это один из крупнейших наших работников в Забайкалье. Он был командующим Забайкальским фронтом и проявил себя как исключительно талантливый полководец в борьбе с атаманом Семеновым...

В дальнейшем Александру привелось близко видеть Сергея Лазо во время партизанского движения на Сучане. Вспоминались эпизоды, характеризовавшие его хладнокровие, спокойствие, выдержку в самой напряженной, самой тяжелой обстановке, презрение к опасности, угрожавшей его собственной жизни, глубочайшую убежденность человека высоких идей.

- В бою Лазо всегда умел найти неожиданные, смелые, стремительные ходы, но в тоже время был расчетлив, распорядителен и абсолютно бесстрашен.

И снова приводил примеры: соседом по купе, как успел понять, общие слова не воспринимались. А -над природой храбрости, над тем, каким должен быть командир, военачальник, Конев думал уже тогда.

Думал много, серьезно.

Из "Записок командующего фронтом": "Уже в годы гражданской войны солдаты Красной Армии - армии нового типа - в борьбе с внутренними врагами революции и иностранными интервентами бились до последней капли крови, за каждую пядь земли. "Будьте стойки до конца", - призывал в те грозные годы В. И. Ленин. В горниле войны это ленинское требование стало нормой поведения советских солдат".

Конев особо подчеркивал, что слово "солдат" носит собирательный характер: "это и рядовой, и сержант, и старшина, и офицер, и генерал, и маршал - все воины фронта и партизаны".

К личности Лазо, к его делам и словам они возвращались не раз. Когда же Саша рассказал о гибели легендарного человека...

...А было это так.

Глухой, темной ночью к станции Уссури подошел воинский состав с японцами. Его встретила на перроне группа белогвардейцев. Из одной теплушки японские солдаты с трудом выволокли три больших мешка и передали их в руки белобандитам из остатков армии Колчака. В мешках что-то шевелилось. Белогвардейцы потащили мешки к железнодорожному тупику, где стоял паровоз под всеми парами. Они грубо приказали паровозной бригаде удалиться. Машинист, почуяв' недоброе, притаился за будкой стрелочника, откуда ему видна была внутренность паровоза.

Белые втащили мешки в паровозную будку. Начальник группы шашкой распорол один мешок, который держали крепко остальные белогвардейцы... При свете огня из паровозной топки машинист узнал Сергея Лазо.

Сергей Лазо со связанными ногами и кистями рук вступил в последнюю борьбу с подлыми убийцами. Схватив его за ноги и поперек туловища, они стали толкать его в паровозную топку, но Лазо связанными руками упирался в края топки. Белые ничего не могли поделывать с этим богатырем.

Тогда один из них несколько раз ударил Лазо наганом по голове. Лазо лишился сознания, и его сунули в топку...

Иван слушал не шелохнувшись - будто окаменел. Когда скорбный Сашин рассказ подошел к концу, он резко поднялся и пошел по коридору.

Не возвращался долго.

2

Три недели ехали они вместе из Читы в Москву.

Что, расписание таким было? Не расписание - время! Еще шла гражданская война. Вокруг Транссибирской магистрали не кончались бои. Обстреливали их поезд; оружие было наготове всегда. Стояли на полустанках, застревали в голом поле. Пока соберешь разобранные рельсы... пока разгребешь завалы... И собирали, и разгребали сами. Сами же топливо добывали - паровозу его надо много: что угля, что дров. Добыв, двигались дальше. До следующей остановки - предусмотренной или непредвиденной. До следующего обстрела, или завала, или поиска топлива. Так и двигались - вперед, к Москве...

Друг о друге они знали теперь вроде бы все. Про все, кажется, говорили-переговорили, ан нет - столько еще, оказывается, не рассказано. Ну вот хотя бы про Сашину... дипломатию.

И Саша, и Иван представляли себе дипломатов не иначе как людьми во фраках и смокингах. Чего греха таить, в их представлении эти люди

ассоциировались даже с тем социальным строем, который уходил теперь в безвозвратное прошлое.

Тут же Конев назвал дипломатом Сашу, правда, при этом рассмеялся, как бы подчеркивая, что шутит. Но действительно речь шла о дипломатии - только уже не царской, не буржуйской, а кровной, революционной.

Дело было в марте двадцатого.

Начальник чехословацкой комендатуры станции Евгеньевка пожаловался нашему командованию на народармейцев Спасского гарнизона - те, видите ли, оскорбили чинов этой самой комендатуры словесно и даже действием. Назвав белочехов контрреволюционерами, пособниками белогвардейских палачей, они и впрямь насели на непрошенных гостей так, что противную сторону спасли только ноги. Теперь комендант требовал оградить его команду от оскорблений и угроз.

- Мы отправляем во Владивосток для нужд чехословацких войск и учреждений дрова, заготавливаемые на Свягинской лесной даче,- заявил он и добавил: - В политическую борьбу русских мы не вмешивались и не вмешиваемся.

Тут-то вступил в разговор Фадеев. Вступил спокойно, не громко, с подчеркнутой вежливостью, но твердо, решительно:

- Разрешите вам напомнить о трагической судьбе наших руководящих товарищей - председателя Владивостокского Совета Константина Суханова и начальника Владивостокской милиции Дмитрия Мельникова. Вы, -наверное, знаете, что их арестовали, а затем предательски убили чехословацкие войска, свергнувшие во Владивостоке законную Советскую власть. И это вы считаете "невмешательством"?

- Но мы рядовые солдаты,- смутился и покраснел комендант.- За действия высшего командования мы, безусловно, отвечать не можем.

- Тогда, позвольте вас спросить, как могу отвечать за действия рядовых народармейцев, на которых вы сегодня пришли жаловаться, я, тоже представитель командования,- вклинился в разговор Иосиф Максимович Певзнер, командир Особого коммунистического отряда, в штабе которого встреча и происходила.

- А вы лучше уезжайте отсюда,- как бы подытожил Александр.- Отправку дров можно спокойно передоверить хозяйственникам Спасского Совдепа. Выполнение обязательств мы проконтролируем сами - можете на нас положиться.

На том разговор и закончился. Крыть коменданту было нечем - удалился не солоно хлебавши.

Гибель Константина Суханова Фадеев помнил всю жизнь.

Когда в 1935-м ему привелось быть в Чехословакии, он неожиданно встретился там с бывшими легионерами чехословацкого корпуса и в разговоре с ними коснулся трагической гибели любимца владивостокского

пролетариата Суханова, который в его глазах всегда был светлой, кристально чистой личностью, настоящим рыцарем революции.

Один из легионеров давних времен тогда сказал:

- Мы не хотим, чтобы кровь этого человека падала на нас, солдат... Распоряжение убить Суханова дал начальник гауптвахты, карьерист, подлец; мы, солдаты, ненавидели его всем сердцем. Он выбрал в караульной команде самую сволочь, и они все сделали. Потом по всему гарнизону прошла молва, что Суханов никуда не бежал, и было такое возмущение, что этого офицера и всю эту сволочь перевели в другое место.

Фадеевский очерк печатался в "Правде", и мимо Конева, тогда уже видного командира Красной Армии, пройти не мог. В вагоне, когда делегаты съезда ехали в Москву, незримо присутствовал по-особому близкий Александру Константин Суханов; встречались они не только в официальной обстановке в Совдепе и не только на митингах, но и в теплом, дружеском доме Сибирцевых - каждый там чувствовал себя непринужденно...

3

Позади остался Урал. Впервые видел он Волгу.

Бесконечные вагонные будни изрядно уже наскучили. Отоспались за бессонные ночи прожитых годов и даже, как казалось, на много лет вперед.

Подолгу молчали, думая о своем.

Заметно, с каждым днем все ощутимее недоставало друзей-товарищей, оставлены в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Не хватало приятелям бесконечной круговерти их комиссарской, командирской жизни в полка в бригадах - с заботами, которым нет конца с ответственностью за все, большое и мало¹ с постоянным ощущением опасности, тревог! боя, который может вспыхнуть в любую минуту. Как дела в их частях? Чем они сейчас заняты? Зимуют или воюют? Кого не встретят, не увидят уже никогда? Думалось о скором возвращении. Были уверены: их ждут. И сколько порасскажут, когда вернутся! Книгу бы... Книг не было. Но то, что Фадеев читал - давно ли, недавно,- в памяти отложилось навсегда и теперь раскручивалось, разматывалось, будто лента тогда еще не изобретенного, неведомого магнитофона. Читателем Саша был жадным, книги буквально "глотал". Большую библиотеку имели Сибирцевы - толстыми томами стояла в шкафах вся русская и зарубежная классика, бери и читай что хочешь, сколько хочешь. Литература была среди самых любимых им предметов в коммерческом училище. Вел ее Степан Гаврилович Пашковский, 'учитель необыкновенный, замечательный. Фадеева он заметил по первым же урокам и первым ученическим сочинениям. Некоторые из них педагог припрятал в своем архиве и хранил всю жизнь.

Мне Степана Гавриловича довелось увидеть в тот день, когда на Миусской площади Москвы открывали памятник - целую монументальную композицию! - в честь выдающегося советского писателя Александра Фадеева. Учитель был стар, но с памятью ясной и темпераментом неугасшим. Старческой говорливостью он не страдал, но на мои вопросы отвечал охотно. Юный Саша стоял перед глазами Пашковского как живой.

- Его работы, классные и домашние, были оригинальны по замыслу, обстоятельны, серьезны. Преувеличивать не стану: словесные средства мальчика не были особенно богаты. Но яркие краски иногда прямо-таки изумляли. Особенно запомнилась письменная работа Саши на тему "Сон Обломова как образец художественного повествования". У нас она была отмечена как выдающаяся...

Как раз в это время Фадеев сочинял повесть, названную им "Апачи и команчи". Уже в училище Пашковский предрекал своему питомцу литературное будущее, поддерживал и развивал в нем любовь к чтению, к творчеству. "Я часто о Вас вспоминаю",- писал ему Фадеев в пятидесятые годы. А в другом письме отмечал: "... как много Вы сделали для меня в ту самую чудную и самую ответственную пору, когда глубоко укрытое зернышко таланта может либо дать свои ростки, либо заглохнуть".

В вагоне он читал наизусть Некрасова, по памяти воспроизводил целые страницы; Горького, рассказывал запомнившееся из Фенимора Купера и Сетона-Томпсона, возвращался к "Обломову", говорил о Пушкине! и Лермонтове, их великих, трагических судьбах, и снова звучала поэзия - та, которая дорога была ему самому, дорога всю жизнь. Слушал не только Иван Конев. Их купе давно уже стало вагонным, в какой-то мере даже поездным, клубом. Тут обсуждали вопросы жизни, пели песни, брались за гармошку или балалайку. На балалайке Саш выучился играть в Чугуевке. Его "деревенские" и "городские" песни безоговорочно признавали даже самые строгие ценители! еще на сельских вечеринках.

- Писателем тебе быть,- сказал ему как-то Конев.- Небось тайком пишешь?

- Почему ж, друг, тайком? - ответил он на вопрос вопросом.- Дело это тоже революционное и не менее важное, чем наше военкомовское, командирское... Только мне до писательства далеко - всю жизнь учиться!.. Но по-честному признался: кое-что записывает. Не в бою, конечно, а когда потише становится, свободный Час выпадает или ночью к лампе присесть удастся. Давно записывает, еще с партизанского отряда. Даже тетрадки показал. Читать не предложил, а показать показал - толстые, потертые, исписанные. Старый коммунист, один из мудрых партийных наставников юного Фадеева, М. И. Губельман, вспоминал десятилетия спустя, как носил тот с собой в полевой сумке "несколько толстых тетрадок, в которых делал обстоятельные записи". Записи не только для себя, для собственных

потребностей. Нет! "Они сослужили нам не раз хорошую службу. Так уж повелось, что, когда нужно было получить обстоятельные сведения о каком-нибудь селении и его людях, Лазо и я вызывали из отряда Сашу Фадеева и просили его прочитать соответствующие записи из его тетрадок. Помнится, это был очень ценный материал".

Впоследствии то, что записывал он в свои тетрадки, даст толчок ярчайшим страницам романа "Последний из удэге", вдохновит при работе над знаменитым классическим "Разгромом". Ну а член подпольного областного комитета большевиков Губельман многими чертами своей личности, своего характера органично войдет в образы коммунистов, которые создаст писатель Фадеев.

Конев сейчас будто услышал его, Фадеева, затаенное. Желание сочинять жило в нем с самого раннего детства. Сестра Татьяна запомнила первое стихотворение Саши, его первый поэтический опыт:

Ильюша спать лег очень рано
И потому заснуть не мог,
Вдруг видит: лезет из кармана
Какой-то маленький урод.
Ильюша очень испугался,
Уродов он терпеть не мог.
И потому он растерялся
И побежал во двор, как мог.
Урод за ним, о боже, боже!
Урод ведь слопать может тоже.
Илья бежит, разинув рот,
За ним несется вскачь урод...

"Стихотворение заканчивалось пробуждением Ильи,- вспоминала Т. А. Фадеева.-

Взрослые смеялись, когда Саша читал эти стихи. Автор был обижен и заявил: "Вы ничего не понимаете".

Шел ему тогда всего-навсего десятый. Позже он станет активным участником рукописного иллюстрированного ученического журнала "Давайте занавес", будет помещать там то стихи, то маленькие рассказы. Задумает и начнет писать повесть "Зимний лагерь". О чем? О жизни скаутов в Канаде. Жизни, полной невероятных, захватывающих приключений, какой представлял ее себе, начитавшись Майн Рида и Фенимора Купера... То, что сумел написать, он сохранит в своем архиве.

Тогда, однако, духу хватило не на многое. На одной из написанных страниц осталась собственноручная его резолюция: "Не дозволено цензурой моего мозга". Этот самый мозг был нацелен уже на другое. На очерк о

наводнении в Улахинской долине... На рассказ о крестьянском мальчике, тщетно мечтающем учиться... '

Но особенно литературное творчество увлекло в годы революционные - семнадцатый-восемнадцатый, когда во Владивостоке появились газеты "Трибуна молодежи" и "Вестник учащихся". В последней Фадеев стал даже членом редколлегии. Одна из сотрудниц газеты, Е. Р. Качанова (Громановская), вспоминая прошлое, писала: "Кроме отбора заметок и статей, поступающих из гимназий, и их редактирования он много писал сам. Чаще это были статьи. Статьи эти читались нами с захватывающим интересом. В них были страстность, живой литературный язык, всегда самые острые вопросы нашей школьной жизни, убедительность в развитии главной мысли..."

Особенно запомнилась ей статья, которая называлась "На Шипке все спокойно". Автор, открыто подписавшийся "А. Фадеев", писал под свежим впечатлением событий, которые произошли после исключения из коммерческого училища Гриши Билименко. Конфликт между учителем и учеником повлек за собой забастовку, охватившую не одно учебное заведение города; Саша звал юных к борьбе за гражданские права, к протесту против несправедливости, издевательства, попрания достоинства личности...

Пройдет немного времени, и его статьи начнут появляться на страницах большевистской дальневосточной газеты "Красное знамя".

Но затаенными были мысли не об очередных статьях, а о полновесной, непременно художественной, книге, способной раскрыть правду жизни, увлечь читателей всем тем, что происходило и в чем он сам участвовал не первый уже год.

Так что слова Ивана Конева ("Писателем тебе быть...") не прошли-пролетели мимо. Затронули они большое, важное. Отозвались в самом сердце.

Поезд приближался к Москве.

Глава шестая

1

Делегатов съезда размещали в 3-м Дом" Советов - так называли большой московский дом, превращенный незадолго перед тем в общежитие сотрудников Совнаркома и других организаций Советской власти. Поселились вместе с Коневым - и как дальневосточники, и как близкие приятели. Им казалось, что знакомы они с давних пор, чуть ли не всю жизнь. "Наши койки стояли рядом",- не преминул заметить в воспоминаниях маршал Конев; эта деталь казалась ему важной.

Ни один, ни другой в Москве до этого не бывали. Манили к себе улицы, площади, театры. Все удивляло своим размахом, своей громадой.. Ног не жалели, на сон время не тратили.

Но уже на другой день Александр отправился искать Тамару Головнину, которую не видел с год, а может, больше. Теперь она была москвичкой - работала в аппарате Коминтерна. Нашел ее довольно легко, без особых приключений, и вечером в доме для сотрудников этого важного учреждения (находился он в Глазовском переулке) смог по-товарищески, по-братски обнять не одну только Тамару, но и других знакомых по Дальнему Востоку...

- Работая в аппарате Коминтерна, я одновременно училась на агрономическом отделении при Пречистенском рабфаке,- рассказывала годы спустя Тамара Михайловна Головнина.- У меня была сравнительно большая комната. Вместимость этой комнаты как бы увеличивалась потому, что в ней не было никакой мебели. Но это никого не смущало. Комната по вечерам наполнялась Друзьями-дальневосточниками, которые с путевками в рабфаки и вузы приезжали в Москву и временно останавливались у товарищей. Было так принято: не удивляться, если в открывшуюся дверь входил кто-нибудь из ребят с рюкзаком за плечами и заявлял: "Вот и я приехал, пока побуду у тебя". Ему освобождалось место, и он, расстелив свою Шинельку, ложился на пол. В доме не действовало электричество, не работал водопровод, водяное отопление, правда, налаживалось, и обитатели дома грели свои чайники в котельной. Вечером, собравшись с разных концов Москвы, мы оживленно беседовали, каждый рассказывал о новых впечатлениях, о трудностях и успехах в учебе. Немногие, из нас получали ужин, но никто не мог съесть его в одиночку: все складывалось в общий котел и исчезало моментально. День кончался громкой читкой книг Игоря Грабаря по истории искусства. "Аудитория", то есть все мы, лежа на своей верхней одежде, располагалась вокруг опрокинутых санок (единственная наша "мебель"); на санках прикреплялась свеча, и мы уносились в сказочный мир искусства...

Они жадно впитывали все, что открывала им новая жизнь, что предоставляла столица: первого и единственного в мире государства! рабочих и крестьян. Ходили в Политехнический музей: там стихи читал и на вопросы отвечал Маяковский, блистательно говорил о литературе Луначарский, вела диспут "О крылатом эросе" Коллонтай. Бежали в Ко лонный зал: "Выступает Крупская!" Всю ночь могли простоять за билетами, в Большой театр - пусть даже ради билета надо было поступиться последними скудными деньгами.

Фадеев, для большинства - Булыга, был этой комнате, среди этих~ ребят и девчат - своим человеком, товарищем и другом.

Сколько же нужно было рассказать им, дорогим сердцу людям,- Тамаре, Тане Цивилевой и Адольфу Крастину, Ольге Лазо, вдове незабываемого Сергея, Исе Дольникову, товарищу еще по коммерческому училищу, одному из "соколят", как, сердечно величали их старшие!

Их с Коневым койки стояли в 3-м Доме Советов рядом.

Сашина нередко пустовала.

2

Не меньше чем рассказывать, хотелось слышать.

Чем и как живет страна? Что волнует народ, партию, Ленина?

Неурожай, отсутствие кормов, падеж скота углубляли нужду, разорение тех, кто составлял большинство в селах России. Серьезным бременем для работавших на земле и полностью от нее зависевших являлась продразверстка. Продовольственное положение ухудшалось день ото дня. А как мучило отсутствие топлива! Топливный голод останавливал пущенные с таким трудом промышленные предприятия. Пришла безработица. Рабочие роптали. Недовольство людей старался использовать враг. Использовать для того, чтобы свести счеты с ненавистной ему революцией. То там, то здесь вспыхивали кулацкие мятежи.

Да, политика "военного коммунизма" новым условиям жизни уже не соответствовала. Потом Ленин скажет об этом так: "Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы, что массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление так, чтобы ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель".

Владимир Ильич вглядывался в жизнь, искал реальные пути преодоления кризиса. Именно так - прямо и трезво - характеризовал он обстановку в стране: экономический, социальный и политический кризис. Уже в январе - феврале пришел Ленин к выводу о необходимости перехода к новой экономической политике; ее проведение открывало возможности скорее преодолеть трудности, обеспечить восстановление всех отраслей хозяйства, построить экономический фундамент социализма.

В Кремль шли ходоки-крестьяне. Отовсюду стекались письма-раздумья, письма-предложения. "Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах,- вспоминал сибиряк О. И.

Чернов, долго беседовавший с Ильичей о замене продрозверстки продналогом...

Где оно, то окно, за которым сейчас Ленин?

Александр вглядывался в строгие очертания заснеженного Кремля и старался представить себе человека, на чьих плечах лежала ответственность за все и вся в этой бесконечной стране, через которую он ехал долгие недели.

Пройдет несколько дней, и он его увидит, услышит. От одной такой мысли перехватывало дыхание.

Москва жила на голодном пайке.

Делегатам давали на обед суп, приготовленный из селедочных головок и хвостов, мороженую картошку в мундирах и по двести пятьдесят граммов хлеба.

Греясь кипятком, обсуждали события.

Троцкий выдвинул лозунг "перетряхивания" руководящего состава профсоюзов, призвал к "огосударствлению" их, "к превращению профессиональных союзов в придаток государственного аппарата, к "завинчиванию гаек" в этих массовых организациях рабочего класса.

Фракционные действия Троцкого получили поддержку и у некоторых других. Они настаивали и на пересмотре коренных вопросов партийного строительства - требовали свободы фракций и группировок, проявляли неверие в творческие возможности трудящихся, пренебрежительное отношение к крестьянству и его союзу с рабочим классом. Оппозиционеры добивались раскола в РКП (б). Ради этого, собственно, и затеяли они дискуссию о профсоюзах в момент, когда надо было решать более острые, жгучие проблемы жизни.

Обсуждения вопросов и в комнатах 3-го Дома Советов, и в общежитии Коминтерна, и во всех других местах, где оказывался Саша, проходили бурно. Участвовал в них и он. В спор 'бросался с ходу, позицию свою отстаивал решительно.

Свою?

Она была позицией Ленина, и Фадеева радовало: у него, у ближайших его товарищей ленинская политическая линия сомнений не вызывала.

3

В Кремле, где проходила регистрация прибывших, ему вручили членский билет, в котором значилось: "Предъявитель сего тов. Булыга-Фадеев избран делегатом на 10-й съезд Российской Коммунистической партии с правом решающего голоса".

И там же, в нетопленном зале регистрации, состоялась радостная встреча с Иосифом Максимовичем Певзнером. Тем самым партизанским командиром, бок о бок с которым довелось ему воевать!

...Документальная повесть требует и точности документальной. При встрече я не был и быть не мог, но представляю ее себе, зная Певзнера по фадеевскому очерку "Особый коммунистический", по воспоминаниям их боевых товарищей, наконец, по "Разгрому" и главному его герою Левинсону, одним из прототипов которого этот человек стал.

Они познакомились в ноябре 1919-го, когда остатки партизанских отрядов, действовавших в Сучанской долине и в районе Имана, под натиском японцев и белоказаков отошли в Чугуевку. Воевали по совести, дрались героически, а все же вынуждены были отступить: для передислокации сил, получения подкреплений, отдыха... "Трех моих славных "мушкетеров" (так величал Фадеев Гришу Билименко, Сашу Бородкина и Петю Нерезова) штаб откомандировал в Анучино, куда все время требовали людей, так как главные партизанские бои к тому времени развивались уже под Никольск-Уссурийском и Спасском. Бедный д'Артаньян (это уже относилось к нему самому) остался один". Один - хотя совсем скоро рядом с ним оказался Игорь Сибирцев. В Чугуевке был у них родной дом, в нем и поселились. Работу получили на водяной мельнице Козлова. Впрочем, чугуевцами и мельниками считали они себя временными.

И вот пришел в село отряд Певзнера: Особый коммунистический...

"Я был тогда очень молодым человеком,- читаем в очерке.- Одет по-крестьянски. Похож на крестьянского мальчика. Пошел проведать, что за отряд, где остановился... Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами... В тот же вечер... он принял нас в свой отряд". . Вместе с Иосифом Максимовичем Саша взрывал железнодорожные мосты и эшелоны, нападал на вражеские гарнизоны, безжалостно карал предателей и провокаторов.

Рядом с ним был он на съезде представителей партизанских отрядов двух уездов. Вместе шли из Чугуевки на Свягинскую лесную дачу, зимовали здесь, не отсиживаясь, а воюя. Вступали в Спасск-Дальний, где Певзнеру предстояло стать командующим войсками Спасско-Иманского района, а ему, Фадееву, старшим адъютантом штаба.

Все сообща... Но разве перечислить каждое событие каждого дня совместной их боевой работы? О некоторых вспоминать уже привелось - на этих страницах, в этой хронике. Ну, скажем, о том, что происходило в ночь с 4 на 5 апреля в двадцатом. Только всего не описать - такими емкими оказались все двадцать с лишним месяцев их братского, товарищеского общения в условиях необыкновенных.

Левинсон - герой "Разгрома" - обретет, жизнь шесть лет спустя. А сейчас Фадеев

обнимает Певзнера - коммуниста с 1917-го,- человека особой породы, своего партизанского командира. До чего же здорово, что на съезде быть им вместе!

4

Певзнер в его глазах был чуть ли не стари"; ком. На самом деле Иосифу Максимовичу ко времени этой встречи исполнилось только двадцать восемь. Но ведь Саше лишь два месяца назад стукнуло девятнадцать; на полтора-два, от силы три года старше его был! "московские дальневосточники" Тамара, Таня, Ольга; Дольников же едва переступил через порог своего восемнадцатилетия. "Старые партийцы", испытанные боевые товарищи, но до чего молодые, какие юные люди...

- А помнишь?..

Вспоминалось одно, другое, третье, даже не догадаешься, что всплывет в памяти через минуту, куда поведет за собой вдруг мелькнувшая мысль.

- А помнишь, Ися...

Мог ли Дольников и мог ли Саша не помнить, как однажды разошлись их дороги, причем, по тогдашнему представлению, разошлись навсегда?

Это произошло на Сучане, где, собственно, и приняли неразлучные товарищи - Билименко Гриша, Саша Бородкин; Петя Нерезов, Ися Дольников и он, Фадеев,- свое настоящее "крещение огнем". Конфликт возник из-за того, что Дольников, как считали его приятели, повел себя неправильно, не по-партийному.

И тридцать лет спустя не оправдывал поступка друга Фадеев Александр Александрович, человек высокой партийной дисциплины.

Заключалось все вот в чем.

Дольникова решили оставить в штабе для практической работы по выпуску "Партизанского вестника", а он воспринял это как личную обиду: товарищей, мол, посылают Для организации партизанских отрядов, ему же предлагают оставаться в "тылу".* Не понял парень политической важности порученной работы, затаил обиду, стал жаловаться на судьбу и... бездельничать. Времена были суровые, такое поведение вызвало гнев.

В том числе и у друзей. Они объявили ему бой.

- Не забыл?..

Помнил. Журналистика стала потом делом всей его жизни. Сразу после нападения фашистской Германии он, коммунист с 1918-го, ушел добровольцем на фронт и в конце сорок первого, выполняя важное задание командования, сложил в бою голову.

Девчонки, да и Ися, вгоняли Сашу в краску, как бы мимолетно заводя разговор об Асе, тайной (но не для друзей) любви его.

Краснел не от "постыдности" своего чувства: было оно целомудренно-благородным. Уже после смерти Фадеева увидели свет его письма к Асе - Александре Филипповне Колесниковой; посланные адресату в 1949-1956 годах, они составили основу удивительной книги "Повесть нашей юности". Одна из участниц нескончаемых московских разговоров, Т. К. Цивилёва, прочтя их, воскликнула: "...как хорошо, что написаны эти письма!

Не только для нас-дальневосточников и Сашиных сверстников, но, конечно, и для современной молодежи встает увлекательный облик юности, чистой, целеустремленной, порывистой и романтической..."

Необыкновенную эту повесть хочется читать и перечитывать. Волнует она каждым! своим словом. Меж тем слова в ней таки простые, такие безыскусные! "...С зимы 1915/16 года - я был тогда в 5-м классе, это было время, когда все мы начали увлекаться танцами, танцевали все перемены - в коридорах и между парт, подошвами поднимали пыль,- начала ходить на вечера и девочка Ася, которая... вдруг на одном из вечеров показалась мне такой необыкновенной, таинственной... Начиная с этой зимы и вплоть где-то до конца 1919 года, когда я был уже в партизанах, я все нес и нес в своем сердце эту мою любовь к Вам... Она означала, что было в Вашем внешнем и внутреннем облике что-то необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое..." Но... любовь его была обречена на неудачу: "Мне нужно было или быть на год-два старше Вас, или иметь счастливую возможность еще год-два дружить и не разлучаться с Вами..." Это, однако, он понял уже в зрелости. Тогда, в начале двадцатого года жизни, все было слишком близко и слишком свежо.

- А помните, друзья? Помнилось все - решительно все. Но больше думалось о дне завтрашнем. Завтра, 8: марта, откроется X съезд РКП(б).

Глава седьмая

1

Уже в первый день по приезде в Москву Фадеев с Коневым узнали о событиях в Кронштадте, где вспыхнул и разгорался контрреволюционный мятеж.

28 февраля на общих собраниях личного состава линкоров, а 1 марта на общегородском митинге, местом которого стала Якорная площадь, заговорщикам удалось протащить резолюции с требованиями свободы деятельности "левых социалистических партий", свободы торговли и перевыборов Советов, упразднения и устранения комиссаров, а по сути,

свержения диктатуры пролетариата, создания благоприятных условий для разгула белогвардейщины и реставрации капитализма. 2 марта враги Советской власти создали "Временный революционный комитет", первой акцией которого стал арест коммунистов, партийных и советских работников. "Штаб обороны", в который вошли главари мятежа, взял под свой контроль главную базу Балтийского флота - ключ к Петрограду - и всю жизнь 27 тысяч кронштадтцев на пришвартованных тут боевых кораблях и линиях береговой обороны. В городе на Неве ввели осадное положение, вслед за тем ЦК РКПб) и Советское правительство приняли решение о восстановлении 7-й армии под командованием М. Н. Тухачевского...

Первым побуждением делегатов-дальневосточников было: в Питер, в Кронштадт! Но... "Вы приехали на съезд партии,- услышали они от товарищей в ЦК.- Вас избрали для работы здесь". .

Да, работа им, по всему судя, предстояла серьезная.

2

- Товарищи, позвольте объявить открыт"! X съезд Российской коммунистической партии. Мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории...

Говорил Ленин.

Год... Это после IX партийного съезда, который начинался 29 марта, а заканчивался 5 апреля в 1920-м. Богатым он был и для него, Александра. Врезалось в память: именно в марте (и именно двадцать девятого) Певзнер - сидел он сейчас в том же ряду, совсем близко,- подписал приказ о создании Первого Коммунистического отряда Спасско-Иманского района; в приказе значилось и его имя - с того дня адъютанта штаба.

Год, один только год, а вместил он в себя и тяжелую, кровавую, но героическую ночь с 4 на 5 апреля - ночь-испытание, ночь-экзамен, и боль от тяжелой раны, усиливавшуюся от сознания того, что его, такого молодого, несут на самодельных носилках, и долечивание-работу в Имане, Он, этот год, отмечен участием в переброске военных грузов по Усури на пароходе "Пролетарий" (вот где истоки будущего его рассказа "Против течения", переименованного впоследствии в "Рождение Амгуньского полка"!), и переходами-боями партизанскими, и организацией комсомола от станции Ерофей Павлович до Нерчинска. Год, всего лишь год, а он, подпольщик и партизан, стал бойцом, потом политработником, потом комиссаром в регулярных войсках Народно-революционной армии; в нем, этом году, и фронт против атамана Семенова, и комиссарская работа в полку, в бригаде, и поездка через всю Россию.

На X съезде не было Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева, Алексея Луцкого - их сожгли живыми, не было замученного белочехами Константина Суханова и Петра Уткина, убитого врагами на станции Иман, других дорогих товарищей, достойных делегатства много больше, чем он, вроде бы ничего особенного пока не сделавший (к этой мысли возвращался не раз). Но жил, торжествовал Коммунистический Интернационал (вот и Ленин говорит: "...перестал быть только лозунгом, а превратился действительно в могучее организационное строение..."). Жила, торжествовала Советская власть.

- Мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет... Три с половиной года неслыханно тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории,- это мы завоевали!..

Ему, Александру, привелось участвовать в боях с японцами. И от него досталось непрошеным пришельцам! А как поддержи--; вали иноземцы белогвардейщину Семенова"|1 пока не вывели из Сибири заклятого этого! головореза.

- Конечно, мы далеко еще не завоевали! этим всего и ни в каком случае не завоевали! этим того, что мы завоевать должны - действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов...

Нет, не смирились враги - и никогда смирятся - с крахом надежд, своих. Далний Восток, Сибирь, Урал, вся Россия - это для них богатства из богатств. Но пусть только сунутся - получают такое, что рады не будут. Теперь же на очереди задача иная: налаживать жизнь.

- Переход от войны к миру,- тот переход, который приветствовали мы на прошлом съезде партии и уже пытались осуществить, пытались наладить работу в этом отношении,- он еще и сейчас не завершен, И сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана... но основ самих отношений между классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались...

Вступительная речь как заповедь ко всему, чему быть на съезде. Ильич говорит о необходимости полного единства партии, "которая несет на себе неслыханное бремя", о том, как важно, чтобы вся "работа была более сплоченной, более дружной, чем прежде" и "не было ни малейших следов фракционности,- где и как бы она ни проявлялась до сих пор".

- Только при этом условии мы те громадные задачи, которые лежат перед нами, выполним...

И Александр, и Иван (места они заняли рядом) все ждали, что Ленин заговорит о Кронштадте. Не сказал ничего, не обмолвился даже словом. Молча переглянулись: может, все уже позади? Может, и с этой вылазкой врага покончено?

А Ленин заканчивал. Так же спокойно, уверенно, как и начинал:

- Я уверен, что выражу намерение и твердое решение всех вас, если скажу: с еще более прочным, еще более дружным и искренним партийным единством мы должны выйти с настоящего съезда...

Сделав маленькую паузу, добавил:

- ...во всяком случае!

Зал отозвался аплодисментами.

По-юношески горячо аплодировал один из самых молодых делегатов X съезда РКП (б) - Булыга-Фадеев.

3

Теперь, когда Александр не только увидел, а и услышал Ленина, хотелось скорее - как можно скорее - поделиться впечатлениями с друзьями-товарищами, сразу, не мешкая, рассказать им о вступительной речи пролетарского вождя, ринуться в бой за все, к чему Ильич призвал. Нет, задерживаться в Москве он не станет. Съезд закончится - тотчас обратно, к товарищам. И не только для того, чтобы отчитаться перед теми, кто его избирал, чтобы выступить на собраниях коммунистов и беспартийных. Дальний Восток, прекрасный Южно-Уссурийский край, исхоженный вдоль и поперек с оружием в руках, еще от врага не очищен, еще под пятой захватчиков. Быть последней, решительной схватке, быть в боях и ему.

А пока... Радостью давно желанной встречи с Лениным поделиться он мог только с теми из дальневосточников, кто, как и Фадеев, находился в Москве.

Татьяна Цивилева: "...Саша, приходя со съезда, рассказывал обо всем, что там происходило. Его мечтой, между прочим, было близко подойти к Ленину и "подержаться" за него".

Константин Серов: "...на одном из заседаний он сидел с краю к проходу в середине зала. Съезд должен был вот-вот начаться, как вдруг разразилась буря аплодисментов: В. И. Ленин появился в зале и быстро, деловито пошел к президиуму. Все делегаты повскакали с мест, окружили Ленина и, тесня друг друга, старались пройти поближе..."

Фадеев: "...я был так близко от Ленина, что не удержался и украдкой потрогал рукой его пиджак".

"Подержаться", выходит, удалось. Но было то осуществлением лишь самого элементарного мальчишеского желания прикоснуться к кумиру. Главным, конечно, являлось не это. Здесь, в Круглом зале, он в полной мере ощутил весь накал борьбы, которую вели на съезде Ленин и ленинцы. Противодействие им чувствовалось на каждом шагу. Приходилось трудно, но правда торжествовала.

Воспоминаний о тех днях Фадеев не оставил. Не оставило их и большинство других делегатов. Тем дороже сохранившееся. "Слушая

доклады Владимира Ильича, я поражался его исключительной способности передавать свои мысли так, что они глубоко проникали в душу слушателей", - вспоминал И. М. Шер, посланец Красноярска.

Выступая с докладами, Владимир Ильич не читал по заранее написанному тексту- каждое его слово исходило из глубины души. Ко всему, что говорил он, люди относились с доверием, особым и полным.

Уже на следующем, вечернем заседании, докладывая съезду о политической деятельности ЦК, Ленин остановился на событиях в Кронштадте.

- Я не имею еще последних новостей из' Кронштадта, но не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы. В этом сомнения быть не может. Но нам необходимо взвесить обстоятельно политические и экономические уроки этого события...

О характере событий, их уроках Ильич говорил просто и понятно. Говорил без утайки, чтобы каждый себе уяснил и роль в организации мятежа заинтересованных сил зарубежом, и суть "мелкобуржуазной контрреволюции", которая, по его словам, была "более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые", и факторы объективные, и причины, зависевшие от работы органов власти в центре и на местах.

Фадеев вместе с другими думал над тем, какая грозная туча вновь сгустилась над страной. Обнадеживало ленинское заявление о скорой ликвидации восстания. "В ближайшие дни, если не в ближайшие часы..." Ленин еще не знал, что предпринятое в этот день, 8 марта, наступление на Кронштадт потерпело неудачу. Тем более не могли о том знать делегаты. Положение оставалось без изменений, а значит, грозным и угрожающим.

Под ударом были и Петроград, и Россия.

4

Стенографический отчет о X съезде РКП (б) -том в девятьсот с лишним страниц. Излагать его в немногих строках- дело нереальное. Порядок дня был обширным: Политический отчет ЦК, Организационный отчет ЦК, отчет Контрольной комиссии; о главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии; очередные задачи партии в национальном вопросе; вопросы партийного строительства; профсоюзы и их роль в хозяйственной жизни страны; о замене разверстки натуральным налогом; социалистическая республика в капиталистическом окружении; отчет представителя РКП (б) в Коминтерне; о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне; выборы руководящих органов. Съезд принял решение о переходе от политики "военного коммунизма" к новой экономической политике (нэпу), поставил задачу ликвидации фактического

неравенства наций и осудил национальные уклоны, подвел итоги дискуссии о профсоюзах и принял ленинское положение о профсоюзах как школе коммунизма, запретил образование в РКП(б) фракций и дал указание ЦК осуществить чистку партии. Значение съезда было поистине историческим. И, как показала жизнь, не только для нашей страны, а и для международного коммунистического, рабочего движения.

Ни Фадеев, ни Конев на съезде не выступали. Первым документом, где упоминались их фамилии, стал список делегатов. В нем значится: делегаты с решающим голосом - № 77, Булыга-Фадеев А. А., время вступления в партию- 1918-й, кем делегирован - парторганизацией Народно-революционной армии ДВР; делегаты с совещательным голосом - № 155, Конев И. С., опять же 1918-й и опять же парторганизацией армии Дальневосточной республики. От коммунистов-дальневосточников делегатами были еще несколько человек, в том числе И. М. Певзнер и М. И. Губельман, которых он, Александр, по праву считал своими учителями-наставниками.

Но имя Фадеева, как и его товарища по долгому переезду из Читы в Москву, есть и в другом документе, а именно: "Список делегатов, посланных со съезда на ликвидацию кронштадтского контрреволюционного мятежа". В этом списке - 279 фамилий.

5

На съезде было шестнадцать заседаний. Заключительное состоялось утром 16 марта. Под конец его говорил Ленин: - Товарищи, мы закончили работы партийного съезда, который собрался в момент чрезвычайно важный для судеб нашей революции. Ведение гражданской войны, после стольких лет империалистической войны, столько истерзало и запутало страну, оживление ее... приходится сейчас переживать в условиях необыкновенно трудных...

Но мы знаем, товарищи, что страна переживала гораздо более тяжелые моменты. Нисколько не закрывая глаза на опасность, ни капельки не впадая в какой-либо оптимизм, говоря прямо себе и своим товарищам, что опасность велика, мы в то же время твердо и уверенно рассчитываем на сплоченность авангарда пролетариата...

Фадеева и сотен других делегатов на том заседании не было.

Не было и на нескольких предыдущих.

Из воспоминаний Ольги Л а з о:

Все мы очень тепло к нему относились и всегда были рады его приходу, он рассказывал много интересного про работу съезда. Но вдруг Саша внезапно исчез. Это было в дни кронштадтского мятежа в марте 1921 года. Вначале мы не могли узнать ничего определенного, но в те дни группа

делегатов съезда во главе с К. Е. Ворошиловым выехала на подавление контрреволюционного мятежа в Кронштадте, и было ясно, что Саша, как военный работник, поехал туда...

И. С. К о н е в:

После сообщения Ленина о тяжелом положении в Кронштадте и призыва направить часть делегатов съезда для усиления наших частей, приступающих к ликвидации кронштадтского мятежа, и Фадеев и я, не сговариваясь, подали записки в президиум о том, что готовы добровольно ехать в Кронштадт...

Когда записки их оказались на столе президиума?

После седьмого заседания в стенографическом отчете следует одиннадцатое. Разгадка пропуска дана в нескольких строках: "Утреннее и вечернее заседания 12 марта и утреннее заседание 13 марта, посвященные военному вопросу, были закрытыми, и протоколов по ним не велось".

"Военный вопрос" это, конечно, вопрос и о Кронштадте. Волновал он всех, а после получения известий о провале первого наступления - особенно. Там и услышали делегаты сообщение Ленина, его призыв. Там, вероятнее всего, и были написаны записки в президиум.

На утреннем заседании 15 марта Фадеева, Конева и других делегатов-добровольцев уже не оказалось. Об этом свидетельствуют строки из воспоминаний того же Конева, касающиеся возвращения делегатов съезда в Москву:

"Съезд к этому времени закончил работу, но шёл разговор о том, что вот-вот должно состояться для делегатов съезда, уезжавших в Кронштадт, специальное выступление Ленина...И действительно, вскоре в Свердловском зале (том самом, Круглом, где проходили заседания -Л. Б.) Ленин сделал нам сообщение о замене продрозверстки продналогом, по существу повторив тот основной доклад, который делал на съезде". Тогда выходит, послушать его они не могли. Фадеев, впрочем, не смог и в этот раз...

Но пока они в дорогу лишь собирались

Сборы были недолги: "внезапно исчез".. Поезд следовал на правах военного. В Петроград!

*

Глава восьмая

1

В Петрограде делегатов съезда распределили по группам. Одну готовили для ораниенбаумского направления, другую - для сестрорецкого. Фадеев с Коневым попали в сестрорецкую группу. Там их тоже разлучать не стали: обоих направили туда, откуда должно было начинаться наступление на номерные форты Кронштадта. И только здесь приятелей-дальневосточников

развели порознь: Александра - в пехоту, Ивана - в артиллерию. Артиллеристов не хватало особенно, он же имел опыт - еще с мировой.

Обстановка была сложнейшей. Как вспоминал Конев, давали себя знать и настроения: иные пехотинцы отказывались наступать, а артиллеристы - стрелять. Правда, вспоминал он уже с позиций умудренного опытом военачальника, борьба с крупнокалиберной крепостной артиллерией и восставшими линейными кораблями "Петропавловск" и "Севастополь", вооруженными двенадцатидюймовыми орудиями, была трудной, так как прямого результата огонь нашей полевой артиллерии дать, конечно, не мог. Но важен был и эффект косвенный: наступавшая по льду пехота непременно должна была чувствовать поддержку. Для штурма Кронштадта и главным образом для сопровождения огнем войск, которые двигались по льду Финского залива, привлекли всю полевую артиллерию. Всю, которую только удалось собрать...

"Наблюдательный пункт нашей батареи располагался на косе Лисий Нос,- писал И. С. Конев.- Где-то около этого Лисьего Носа мы и расстались тогда с Фадеевым, который ушел в пехоту политбойцом. А я -остался, тоже политбойцом, в этой батарее".

Наступление, рассказывал он, оказалось очень тяжелым. Снег, который покрывал ледяную поверхность залива, растаял, но под водой лед был еще крепким. Наступление пехоты началось в темноте и в тумане, однако ни это, ни белые халаты не помешали обнаружению наших цепей врагом. Грянул заградительный огонь с фортов и с кораблей. "Канонада буквально глушила нас мощью бризантных двенадцатидюймовых снарядов. Это и на берегу не слишком приятно, когда хлопнет такая дура, в чьей воронке можно разместить целый двухэтажный дом, а на льду ещё чувствительнее.

Попадал снаряд в цель или не попадал, бед причинял он немало. Разрывы образовывали воронку за воронкой, их почти тотчас затягивало битым мелким льдом, они переставали быть различимыми, и в полутьме, перебегая под огнем, бойцы то и дело попадали в эти страшные, коварные ловушки.

Но остановить революционный порыв было невозможно. Все, буквально все, начиная от руководившего операцией Тухачевского и непосредственно участвовавших в боях Ворошилова и Дыбенко до политбойцов - делегатов съезда - и каждого рядового красноармейца, стремились к одному: во что бы то ни стало покончить с мятежниками, избавить молодую Страну Советов от страшной угрозы.

Первоклассная морская крепость, обороняемая еще и линейными судами, была взята сухопутными войсками штурмом. Свершилось такое впервые в истории войн.

"В бою я Фадеева не видел,- вспоминал Конев.- Каждый был увлечен своим делом, и, пока мы до конца не выполнили задачу, пока не очистили Кронштадт, ни я, ни остальные не в состоянии были думать ни о чем другом".

После взятия Кронштадта делегатам X съезда РКП (б) приказали возвратиться в Петроград. Их миссия закончилась...

В Петроград, а затем и в Москву Конев ехал один. О Фадееве он не знал ничего.

Не знали и "московские дальневосточники"- давние друзья Александра.

Их тревогу передала в своих воспоминаниях Ольга Лазо:

- Мятеж был подавлен, делегаты съезда вернулись, а Саши не было. Приехавшие товарищи рассказывали, что поход из Петрограда в Кронштадт был тяжелым, шли по слабому льду, многие при переходе были ранены, случалось, люди проваливались под лед. Нами овладело беспокойство, первые дни мы ждали письма, но никаких сведений о судьбе Фадеева не было. Кто-то предложил действовать через товарища Кушнарева, которого все мы знали по работе во Владивостоке, теперь он работал представителем Дальневосточной республики в Москве. Он сразу пошел нам навстречу и даже дал официальную командировку в Петроград Тане Цивилевой; вместе с ней поехала его жена Мария Кушнарева. Им удалось найти Сашу в Петрограде в госпитале. В боях под Кронштадтом он был ранен...

Татьяна с Марией провели с ним три дня - такой была продолжительность командировки. Фадеев не таил своей радости: шутил, смеялся, обещал скоро вернуться в Москву, друзья-дальневосточники снаряжали ему посылки, одну из них повезла Тамара Головина. Ездили в Питер и другие товарищи.

Из рассказов и писем Фадеева :

...Был ранен в ногу, прополз почти два километра по льду до тыловых частей и был эвакуирован в госпиталь... (С. Пашковскому).

Я был... тяжело ранен на льду во время кронштадтского штурма, пролежал око; пяти месяцев в госпитале... (А. Колесниковой).

Вспоминались те события часто. С года" его слушателям даже представлялось, что не просто рассказывает, но и творит страницы произведения. Именно так думалось Анталу Гидашу, автору проникновенного очерка о друге. В нем, этом очерке, звучит фадеевский голос - живой, неповторимый, единственный.

"- Понимаешь, шел съезд... И вдруг весть: мятеж в Кронштадте. Делегатов мобилизовали...

...Казалось, Фадеев излагает готовый сценарий или роман. События мелькали перед глазами, останавливались на мгновение, потом ускользали...

...По льду Финского залива ползет Фадеев в белом халате. Вдали маячит Кронштадтская крепость. Ранен. Петроград. 1921 год. Больничная палата.

- Несколько месяцев провалялся я в госпитале. Никогда в жизни столько не читал.

Тут тебе и утопические социалисты, и Ленин, и Мильтон, и Блок... Чего-чего только не прочел..."

Если документальной мозаике последних страниц какое-то уточнение и требуется, то лишь одно: в петроградском госпитале он пробыл не пять месяцев, а три. Другое дело, что полного выздоровления выход из госпиталя для него не означал. Подлечился - и хватит. Время - оно тоже лекарь.

3

Возвращаясь в Москву, Конев думал о том, как будет проситься, а потом отправится в родные вятские края на гражданскую работу. Свое отвоевал, война скоро кончится, займется налаживанием мирной жизни. На Дальнем Востоке довоюют без него. С тем и пришел в ЦК- Но с ним не согласились. Отправили Конева в Политическое управление Красной Армии... "Меня снова (все-таки) послали на Дальний Восток; я вернулся в дивизию, воевал там, пока не покончили со всей белогвардейщиной".

Фадеев в Петрограде мечтал о скорейшем возвращении в свое Приморье. Заедет в Москву и опять через всю страну к товарищам, которые продолжают драться с японцами и белогвардейцами.

Но медицина сказала свое категорическое "нет".

"По состоянию здоровья он был освобожден от службы в армии..." Это из воспоминаний Ольги Лазо.

Военная служба была для него закончена. В Приморье Фадеев попадет лишь двенадцать лет спустя, в 1933-м.

Пока Александр находится в Петрограде, а Иван - в Москве.

Один и тот же день проходит у них по-разному.

Конев слушает доклад вождя революции : "В переполненном зале (среди вернувшихся из Кронштадта делегатов X съезда.-Л. Б.) было немало раненых с повязками!

Ильич обращался к нам, а мы слушали его и были вдвойне довольны: и тем, что выполнили в Кронштадте свою задачу, и тем, что сидим здесь живые и здоровые и слушаем Ленина. После выступления Ленина кто-то из нас предложил сфотографироваться. Владимир Ильич охотно согласился, мы вышли из здания правительства вниз, на улицу и тут же сфотографировались».

Фадеев (в этот самый день):

лежит в петроградском госпитале, среди других тяжелораненых участников штурма Кронштадта, еще не вполне веря в то, что дополз, жив и жить будет;

присматривается к соседям, прислушивается к их разговорам, расспрашивает о только что отшумевших событиях;

с особым интересом ждет газеты, где еще печатаются материалы X съезда РКП (б) и появляются сообщения, касающиеся событий отнюдь не отдаленных дней, бушевавших в Петрограде и Кронштадте. Вот строки из газеты "Красное знамя": "В воскресенье, 20 марта, в 17 часов, в Кронштадте состоятся похороны красноармейцев, отдавших свою жизнь на усмирение позорного мятежа.

В тот же час будет дано 18 орудийных выстрелов с "Петропавловска" и "Севастополя".

Приготовив суда к уничтожению, мятежники зарядили орудия на судах, но бежали, не успев довершить своего грязного дела. Пусть будет для них уроком, что приготовленные ими против Советской власти заряды прозвучат салютом в память ее защитников и бойцов".

Это - приказ. Подписал комендант Кронштадта П. Дыбенко.

Госпитальные его дни и месяцы... На страницах фадеевской летописи встречается такое: "Собирает материалы о кронштадтском мятеже, делает наброски повести". Да, собирает. Да, делает. Повесть не родилась, но вынужденное безделье - первое за всю боевую жизнь - дало возможность задуматься над огромным материалом, которым вооружило его бурное время. Материала на широчайшее полотно, только совсем нет опыта, совсем мало умения... Но и недовольство собой - чувство важное, созидательное. Не получается сегодня - получится завтра. Главное - зарядить себя, сделать желание написать neodолимым, выработать в себе упорство...

Начало его будущих книг я вижу здесь.

4

Не забывает ли, однако, автор, что его герою, несмотря на революционный и партийный стаж, на большие заслуги и высокие звания (военком... делегат...), все-таки девятнадцать, идет двадцатый, что он, несмотря ни на что, он и даже очень юн, что думается ему, вопреки раннему идейному, гражданскому, боевому возмужанию, о той же, о чем думается и грезится обыкновенным сверстникам? '

Фадеев - Анталу Гидашу:

...Врач был добрый, как и вообще врач! Сестра была красивой, как и вообще сестры! И деревья в саду были прекрасные... Всё смотрел я на них из палаты... Ведь они были совсем другие, чем у нас, на Дальнем Востоке... Здесь они распускаются за несколько дней, нетерпеливые, безудержные, оглянуться не успеешь, а уже все в цвету... Хороши были и прогулки по вечерам. И Нева была хороша. И Летний сад... Короче говоря, я влюбился...

Из письма к Асе - А. Колесниковой :

...Развитой, талантливый, сильный юноша, пользующийся, в общем, успехом у девушек, я долгие годы после того, как ушла моя любовь к Вам, не мог никого полюбить. Конечно, во мне заговорил пол, началась пора увлечений определенного порядка (с неизбежно возникающей на этой почве в юности некоторой духовной "надстройкой"). Но я был чист душой и телом, какой-то внутренний голос говорил мне "не то, не то", и до конца 1922 года это были увлечения, скрытые во мне самом,- я не добивался предмета своего увлечения, а скрывал от него свои чувствования...

С. Г. Пашковский о встрече в госпитале:

...Александр пригласил меня зайти к нему. Я был так рад этой встрече, что немедленно согласился... Ведь прошло четыре года с того дня, когда мы распрощались, и каких четыре года!.. "О партизанских походах,- говорил он,- я когда-нибудь расскажу подробно, а может быть, и напишу. А писать хочется, вы ведь приучили меня записывать и описывать. А знаете, Степан Гаврилович, я не раз пробовал писать стихи - не нравились они мне. Вот стихи Маяковского мне нравятся... Кстати, Маяковский сегодня выступает в Доме учителя. Пойдемте, Степан Гаврилович, туда вечером, послушаем Маяковского"... На следующий день мы вместе с Фадеевым побывали на другом вечере. На нём со своими воспоминаниями о старом Петербурге выступал известный адвокат А. Ф. Кони...

И в госпитале, залечивая рану, жил он жизнью полной. Жил и к жизни себя готовил.

Где только силы свои приложит?

Вот это было еще неясно.

Глава девятая

1

"Сим удостоверяется, что предъявитель сего Булыга-Фадеев, родившийся 11 декабря 1901 года, является гражданином Дальневосточной республики Приморской области, г. Владивосток.

Настоящее удостоверение служит видом на жительство".

Первый документ, полученный в Москве подписал и заверил печатью чрезвычайный уполномоченный ДВР И. Г. Кушнарев.

Александр значился в нем человеком, который в соответствии с письмом ЦК РКП (б) числился "в списке делегатов X съезда, мобилизованных на Кронштадтский фронт и командированных в оперирующую Южную группу".

Однако и съезд, и фронт отходили в область воспоминаний - незабываемых, но... воспоминаний.

Гражданин - слово серьезное, только к нему еще и дело требовалось.
Дело не временное, не случайное - настоящее...

2

Больше всего влекла его к себе литература. "...Своим ростом как писатель я бесконечно обязан своему учителю С. Г. Пашковскому и с необыкновенной радостью использую этот случай, чтобы выразить ему свою благодарность".

Многого такая благодарность стоит. Как же надо литературу любить, чтобы непреходящую преданность слову, книге, творчеству сообщить, передать питомцам да еще подвигнуть, окрылить их самих на дерзания художественные, всей жизни требующие!..

Но твоя ли это стезя, творчество литературное? Узнаешь про то не сразу, не вдруг. А что, если ты просто графоман, бумагомаратель и ничего путного сказать людям не способен? Обнадежишь себя, обнадежишь других и... лишь потеряешь время?

Повесть о жизни канадских скаутов, рассказ "К свету" и набросок другого, про некоего Митрофана, который в свои тринадцать уходит из отцовского дома, училищные сочинения на разные литературные темы - этого для решения вопроса о будущем мало. В партизанских, народармейских походах относиться к литературным занятиям стал серьезнее, но ведь дальше набросков не продвинулся и тут, разве что понял: источник литературы - жизнь. Писать будет, к этому тянет, однако институтов, которые бы на писателя учили, не существует. А учиться надо, люди образованные государству рабочих и крестьян нужны, и тянуть с решением нельзя. Пока решение не приходило.

Степан Гаврилович Пашковский в деталях запомнил вечер в бывшем дворце Юсупова, превращенном революцией в Дом учителя.

В маленьком домашнем театре собралось до двухсот человек - матросы, рабочие, студенты, учащиеся. Мелко тренькающий звонок в руках председательствующего не мог утихомирить шумную аудиторию. Маяковский поднялся, подошел к рампе и заявил: "Я Маяковский. Я читаю сегодня "Мистерию-Буфф" и еще некоторое свое"... Шум в зале затих. Маяковский ходил по сцене и как бы разговаривал с толпой слушателей. Его громкий голос покрывал случайные выкрики и возникавший порой шум. "А знаете, Степан! Гаврилович,- тихо сказал мне Александр,- читает он хорошо, здорово, но Асеев мне больше нравится. Однако выводы воздержусь делать! Рано еще, ведь я так мало знаю Маяковского". Когда вечер закончился! Фадеев подошел к Маяковскому и сказал ему:

- Я не поэт и не писатель, пока только солдат революции, но ценю в вас друга последователя Асеева.

- Не друг и не последователь, а я сам по себе - Маяковский,- ответил поэт...

Пока только солдат революции...

Солдатом он был, есть и будет. Но с каким оружием?

Этот вопрос возникал перед ним чаще других, будоражил всего более.

На следующий день Александр добыл всё, что мог достать из написанного Маяковским

Читал и перечитывал. Сравнивал и делал выводы.

Потом написал статью "150000000".

Заканчивал ее уже в Москве. Под статьёй, которая хранится в фадеевском фонде Центрального государственного архива литературы и искусства, есть дата: 17 июня. Там же заготовки для статьи следующей: выписки из журнала студий московского Пролеткульта. Изложение содержания "Декларации московских пролетарских писателей", стихотворение Михаила Герасимова "Я не нежный, не-тепличный...", кое-что еще.

Подчеркиваю: это уже московское.

Что же дальше?..

3

Тамара Головнина с мужем имели теперь две комнаты и в одной из них поселили Фадеева.

Саша опять окунулся в обстановку дальневосточного содружества, доброжелательных, веселых, бурных встреч земляков, горячих диспутов-споров о том, что занимало особенно.

Волновало все. И державы касавшееся, и далекого их края. Относившееся к мировой политике и судьбе каждого.

Здесь, наверное, и узнали первыми новость, которая поначалу удивила: Александр поступает в Горную академию.

Горную?!

Фадеев - Дольников у:

...Свинство, дружище, с моей стороны, что не писал долго, но обстоятельства весьма основательны. Слушай! Поверил бы ты, черт возьми, если бы кто-нибудь сказал тебе, что Сашка, столь презиравший математику и любивший до потери сознания русский язык да политическую экономию, в один месяц прошел алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и арифметику и выдержал экзамен в Горную- академию? Нет, ты бы послал

того человека к черту, а то еще, чего доброго, при-влек бы к ответственности за клевету. Но это правда! Каррамба! Эта канитель закончилась только вчера, и вот я из военкомбригов в студенты!..

(Письмо датировано 26 сентября. А когда...; вернулся в июне, о Горной академии речи не вел, по всему судя - о ней даже не думал.).

Об Академии (из ее истории):. Московская горная академия была первой высшей горной школой молодой республики. Она родилась в годы, когда вопрос о пролетаризации высшей школы и создании инженерно-технической интеллигенции из рабочих и крестьян стоял как острая и насущная задача революции. Московская горная академия была высшей школой нового типа.

Выбрал он факультет геологический. Не без воздействия учения в коммерческом училище выбрал. С Пашковским, словесников* мог соперничать там разве что преподаватель географии В. Е. Глуздовский - неугомонный организатор и вдохновитель походов, экскурсий по краю. Ходили по Сучану, смотрели древние городища, устраивали настоящие экспедиции - ближние и дальние. Теперь, когда родные места отдалились и стали покрываться дымкой воспоминаний, геология могла показаться ему именно тем путем, который только и мог бы сделать его полезным, нужным своему Приморью - краю огромных и неразведанных богатств.

Выбрал... Но как этот выбор происходил? Что ему сопутствовало, что такое решение предопределило?

И после возвращения из госпиталя Фадеев оставался делегатом X съезда РКП (б). Как делегат, направленный на Кронштадтский фронт, он по приезде в Москву явился в ЦК: доложить о выполнении задания, получить указания или распоряжения. Коммунист - солдат партии. Ее воля для него закон. Думалось о возвращении к товарищам, на Дальний Восток. Что скажут на Воздвиженке (Центральный Комитет помещался там)?

...В кабинет к Ярославскому заходили по одному. Когда очередь дошла до него, Ярославский с улыбкой поздоровался, попросил присесть и, то опуская взгляд на лежавший на столе листок, то поднимая на юношу внимательные прищуренные глаза, приветливо произнес:

- Хочу вот о чем спросить тебя: как ты смотришь, чтобы осенью поступить в Ком-университет имени Свердлова?

...Ответил не сразу - предложение застало его врасплох...

В данном случае я прибегаю к уловке. Но признаюсь в ней сразу, как известно, повинную голову меч не сечет. Моя уловка в том, что так все происходило с другим человеком - таким же юным и в революционной борьбе активным, тоже делегатом съезда и тоже участником подавления кронштадтского мятежа, но не дальневосточником, а бакинцем Иваном-

Тевосяном - будущим маршалом советской металлургии, замечательным организатором социалистической индустрии. Интересную книгу о нем - "Тайна булата" - написал Ашот Арзуманян, знавший Тевосяна лично, беседовавший о нем со многими.

"Тевосян (вставляю в текст из этой книге его фамилию) ответил не сразу - предложение застало его врасплох. Правда, он и а думал об учебе, но хотелось поступить в технический вуз, стать инженером. Желаний это зародилось еще в Баку, окончательно окрепло по пути в Москву. Виденные из окна вагона руины и пожарища, фабричные трубы, из которых лишь кое-где вился дым,-все это вызывало страстное желание бороться с разрухой и застоём, вызванными войною.

Ваня Тевосян решил прямо сказать об эти товарищу Ярославскому...

- Значит, к техническим дисциплинам тянет? Скажем, в Горную академию?.. Что ж, учтем твоё желание.

На следующий день на имя Ивана Федоровича Тевосяна пришло в Дом Советов направление на металлургический факультет Московской горной академии..."

Так, вероятно, было и у Фадеева: беседа с секретарем ЦК, товарищеский совет старшего молодому, осознание обстановки в стране, её главных нужд, решение и - партийная путевка.

В отличие от Тевосяна, некоторых других кронштадтцев, технические дисциплины его изначально не прельщали. Сделать выбор подтолкнуло, пожалуй, и общение с такими, как они, увлеченными строительством экономического могущества Советской России. Путевка ЦК РКП (б) открывала двери Горной академии.

Принимали туда исключительно командированных Центральным Комитетом. Но и следил за учением сам ЦК: учеба здесь считалась партийной обязанностью.

И все же осени всегда предшествует лето \как его из хроники года исключить? Да и исключать зачем?

Фадеев - Дольникову (из того же письма):

...Я занимался как лев или как Акакий Акакиевич - часов по 15 в сутки,- а посему мало посещал всевозможные театры, лекции и прочее, но все же как-то мимоходом завернул на две оперы и еще кой на что... Достоин пера вчерашний (2,5 сентября...) парад Московского гарнизона в честь первого советского выпуска Академии Генерального штаба...

На инженера, на геолога учиться. Все остальное, если и придет, то потом, в будущем.

Тамара Головнина запомнила: "Он был принят в Горную академию и ежедневно, прихрамывая, отправлялся на Калужскую площадь, где она размещалась".

Прихрамывал...

Рана, полученная на кронштадтском льду, напоминать о себе продолжала.

"Кой на что..." - это и на представление пьесы А. В. Луначарского "Слесарь и Канцлер", и на его, Луначарского, лекции, и на шумные поэтические вечера-диспуты. Он ждал премьеры в первом Государственном театре РСФСР, со знанием вопроса рассуждал о том, что "новая поэзия и литература будут созданы самим пролетариатом", в общем имел все основания для вывода: "Жизнь духовная по-прежнему богата". Говорил так и о жизни Москвы, и о жизни собственной.

Увиденное, услышанное побуждало писать. Знал уже о чем? Не представлял себе как? Задумывался о написанном другими: что удалось, в чем слабость? "Ведь вот Луначарский - талантливый человек, великолепно изображает весь ужас рухнувшего строя, высмеивает бесподобно социал-соглашателей, вскрывает подноготную милитаризма т. д. и т. п., но только пытается дать частичку нового быта и новых людей, моментально съезжает на слабенькую французскую мелодраму..." Нет, он будет писать по-другому. Только не об этом думать сейчас. Партийное задание, партийная обязанность-учиться.

Глава десятая

1

"Учусь почем зря,- делился Александр с другом.- Зарылся с ногами и руками во всевозможные геодезии, анализы, аналитики, горные искусства, разработки рудных месторождений и прочее и не признаю никакой беллетристики, как и подобает будущему деловому спецу..."

Своих учителей, своих товарищей в Горной академии он помнил всю жизнь.

"...Мне доставляет особенную радость хотя бы заочно пожать Вам руку и то обстоятельство, что я помню Вас лично по 1921 - 1924 годам, когда я был студентом..." - писал Фадеев крупнейшему советскому металлургу академику М. А. Павлову, поздравляя его с девятидесятилетием. Тридцать лет не встречал Михаила Александровича, а чувство глубокой симпатии и уважения к нему, к его жизненному пути инженера и ученого сохранил в неприкосновенности.

"...Я всегда гордился и горжусь тем, что когда-то мы вместе учились в Горной академии и делились всем, что предоставляла нам студенческая жизнь того времени...- обращался он в те же, пятидесятые уже, годы к И. Ф. Тевосяну, которому исполнялось пятьдесят. И я с радостью и гордостью

глубокого и подлинного твоего товарища следил за твоим дальнейшим ростом..."

Будущих советских инженеров - первых инженеров, рожденных новым строем,- учили в доме на Большой Калужской люди поистине замечательные, выдающиеся. Их имена вошли в историю русской науки и техники: Н. П. Чижевский, В. А. Обручев, В. Е. Грум-Гржимайло, К. П. Григорович, И. М. Губкин... Многие из них и в летопись революционного движения вписаны. Тот же Николай, Прокопьевич Чижевский не имел до победы Октября права работать ни в Петербурге, в Москве; в Олонецкую губернию угодил за выступления против царизма Константин Петрович Григорович; преследованиям подвергались и другие, теперь поднимавшиеся на кафедру академии. Хотя кафедры, как таковой, поначалу не было. На вступительно лекции по электрометаллургии присутствовали ли всего около десятка студентов. Одетые ~ пальто, шинели, полушубки, они вплотную окружили профессора, который кутался шубу и сам. Аудитория не отапливалась, ни седого лектора, ни его учеников это смущало.

Молодежь была удивительной – боевой, бесстрашной, закаленной. Однокашник Фадеева Василий Семенович Емельянов, коммунист-подпольщик, участник Октябрьской революции и гражданской войны, а в будущем известный ученый, один из создателей советской оборонной и атомной промышленности, Герой Социалистического Труда - в своих мемуарах "О времени, о товарищах, о себе" вспоминает о том, как со всех концов страны прибывала в академию молодежь, как ехали сюда те, которые воевали с Деникиным, Колчаком, Врангелем, участвовали в создании первых органов Советской власти, совершали героические поступки и считали это совершенно обыкновенным, ничем не примечательным делом. Студент Петров, например, был вместе с десятками других большевиков расстрелян белыми. Пули прошли его, он упал замертво. Белогвардейцы прошлись по телам. Тех, кто остался жив, добились штыками. Он лежал без сознания. И лишь ночью очнулся, выбрался из кучи трупов на дне оврага, куда сбросили их после расстрела, и пробрался к своим. Среди студентов были недавние комиссары полков и дивизий, секретари губкомов, укомов и райкомов партии, председатели исполкомов. У некоторых на груди красовались боевые ордена.

Такой была Горная академия в 1921-м.

Фадеев ее не окончил и все-таки считал своею "альма-матер", что в переводе с латинского означает: "питающая мать".

2

Всякий раз, возвращаясь с занятий, он рассказывал друзьям обо всем, что происходило в академии. К примеру, о дискуссии насчет того, может ли

студент отрываться от науки и вести общественную работу, или его назначение - постигать знания, не выходя за пределы узкого мира академической жизни. Саша был сторонником активного участия в общественной жизни, что, впрочем, не мешало помногу и усидчиво заниматься. Головкина постоянно видела его за чтением специальной литературы, за изучением трудов классиков марксизма-ленинизма. С увлечением конспектировал он работу Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Труд Ильича вызывал в нем восхищение. Особенно горячо высказывался об остроте ленинской полемики.

В архивном фонде сохранился листок: "Книги, прочитанные в 1921/1922 году". Список достаточно выразителен:

В. И. Ленин. "Государство и революция" "Материализм и эмпириокритицизм";

К. Маркс и Ф. Энгельс. "Коммунистический манифест";

Ф. Энгельс. "От классического идеализма к диалектическому материализму", "Происхождение семьи, частной собственности и государства";

К. Каутский. "Фридрих Энгельс, его жизнь и деятельность";

Г. В. Плеханов. "Русский рабочий в революционном движении". Разделы "Религия и "Литература" в сборнике "От обороны Ц наступлению";

Н. Суханов. "Записки о революции";

И. Гроссман-Рошин. "Жизнь и- деятельность Кропоткина";

В. Львов-Рогачевский. "Очерки по истории новейшей русской литературы".

Ольга Лазо вспоминала: "Однажды, когда у меня должны, были собраться наши товарищи, Саша пришел немного раньше, мы с ним разговорились о литературе... Он сказал, что сейчас перечитывает произведения Л. Н. Толстого, особенно такие, как "Севастопольские рассказы", "Война и мир", "Казачьи". "Небольшими штрихами,- говорил Саша,- Лев Толстой очень правильно показал образ рядового русского солдата, стойкого, смелого, любящего свою родину".

Учился Фадеев не только геологии, а и марксизму.

Читал не одни лишь учебники - великую прозу и лучшее в поэзии.

Вырабатывал свой собственный взгляд на литературу классическую и современную, на историю прошлых времен и историю, которая творилась на его глазах, при его участии.

Каждый день приносил с собой новое.

26 сентября: "...поговорим о ДВР '. Ты прислал посылку - хорошее дело, можешь продолжать в том же духе, но неужели ты подумал, что мы настолько забыли бога и предались мамоне, что нам какая-то пшенная крупа будет интереснее судьбы наших ребят: Игоря, Гришки, Петьки, Саньки и вообще всех друзей и знакомых. Ведь это позор твоим сединам! Спешу исправиться. Кроме того, ты бы вместо мыла присылал бы дальневосточные издания: журналы, газеты... Не знаешь ли чего о моих родных? Сообщи, имеется ли возможность пересылать письма во Владивосток и каким образом".

15 ноября: "...где Гришка, Санька, Петька, Игорь и пр.? Имеешь ли связь с Владивостоком, переписываешься ли с родными? Если да, то не забывай приписывать, что Сашка жив и здоров, пусть извещают об этом мою мать. Я не имею из дома вестей со времени отъезда и, конечно, волнуюсь о судьбе родных".

Он скучал по родным своим местам, по оставленным там друзьям, по маме, сестре, братьям. Дольников был в Чите, работал в Дальневосточном бюро ЦК РКП (б) и одновременно в тамошней партийной газете, как говорили, много печатался. Из Москвы Чита представлялась городом, находившимся чуть ли не "рядом" с Владивостоком. Так от Кого, как не от читинцев, мог он получать сведения о том, что происходило в Чугуевке, в Приморье, по всей земле, им исхоженной, да с боями? А сведений не было - или почти ни было - разве что кто-то приедет и что-то расскажет.

Дальневосточная республика находилась в отчаянном положении. В мае 1921 года контрреволюционеры при помощи японцев захватили власть во Владивостоке, серьезна! угроза нависла над Хабаровском. Народная революционная армия ДВР несла большие потери и к решительным действиям готова не была. (Контрнаступление начнется в начале следующего, 1922-го.)

"Где Гришка?" - спрашивал о Билименко. "Санька?" - интересовался Бородки-ным. "Петька?" - думалось о Нерезове. "Игорь?" - это уже, конечно, об Игоре Си-бирцеве, двоюродном брате и самом близком среди всех, кого знал, человеке.

Друзья детства, друзья юности, они продолжали драться, каждый день и каждый час смотрели в глаза опасности, а он... Достоин ли коммуниста сидеть в такое время в студенческой аудитории, спокойно ходить по шумным столичным улицам, блаженствовать в "поэтических кафе"? Мучила совесть, грызли сомнения, не давали покоя мысли о бесполезности. Нет, хватит - учиться можно будет и потом, когда всю эту контру вкупе с интервентами с родной земли погонят и изгонят. Да кто запретит ему, боевому военному, вернуться в бригаду, в строй?

Запрета не было. Была дисциплина. Был партийный, нравственный долг. Не подчиняться им он права не имел.

Так, и только так, воспринимаю я листок из фадеевского фонда в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Листок этот - удостоверение за подписью чрезвычайного уполномоченного Дальневосточной республики в Москве. Удостоверение "в том, что он (Фадеев), как командированный военно-политическим управлением ДВР и находящийся в данное время в Горной-академии, по распоряжению ЦК РКПб-ов) ни Учету, ни мобилизации не подлежит".

По распоряжению ЦК... Центральный Комитет требовал от него и его товарищей одного-учиться. Как от Конева потребовал- воевать.

4

Добрый знакомый, Павел Максимов, вспоминал о своей встрече с известным геологом профессором Андреем Дмитриевичем Архангельским. :

- Узнав из разговоров с ним, что он читал лекции в Горной академии в Москве,- рассказывал Максимов впоследствии,- я спросил у него, не помнит ли он студента академии Александра Фадеева, ныне советского писателя.

- Как же, очень хорошо помню,- ответил профессор.- Способнейший был студент, светлая голова! Очень жаль, что он не окончил академии. Был бы отличнейший геолог...

А Фадеев, учась, все глубже окунался в дела общественные, партийные. Партячейка академии входила в Замоскворецкую районную организацию, и совсем скоро он стал нештатным, но весьма деятельным инструктором райкома РКП (б). Хорошо его узнали коммунисты вуза: Саша был вездесущим.

Свои усилия он сосредотачивал на укреплении Горной. Время стояло сложное, и нередко раздавались голоса о ее роспуске. Активу студентов, активу профессоров удалось взять верх над всеми и всякими противниками советской высшей школы - академия жила, верша большое, поистине новаторское дело. Рабочий район увидел в ней, почувствовал свою идейную опору.

Страницы летописи жизни Фадеева сообщают:

Октябрь, 26-го. Делегатским собранием избирается на VII Московскую губернскую конференцию РКП (б).

Октябрь, 29-го. Получает делегатский билет № 208 с правом решающего голоса.

И это всего через месяц после того, как Горная академия раскрыла перед ним свои двери...

Глава одиннадцатая

1

Как и тогда, на X съезде, Фадеев слушал Владимира Ильича.

Ленин был с делегатами VII губернской конференции весь тот первый день, 29 октября.

Его доклад посвящался теме острейшей, животрепещущей - "О новой экономической политике".

- Товарищи! - спокойно и уверенно начал докладчик, едва подошел к трибуне.- Приступая к докладу о новой экономической политике, я прежде всего должен оговориться, что понимаю эту тему не так, как, может быть, ожидают многие из присутствующих, или, вернее, я могу взять- себе лишь одну небольшую часть этой темы...

X съезд вынес постановление о замене продовольственной разверстки натуральным налогом - оно и определило переход к нэпу. Александр, как вы помните, в те дни, когда вопрос обсуждался, был уже кронштадтцем и слышать доклад Ильича, как равно участвовать в обсуждении его, не мог. Но потом он читал и ленинскую брошюру "О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)", и доклад, с которым Ленин выступал на X Всероссийской партийной конференции, и другие партийные документы.

Читал - не то, конечно, слово. Слишком оно спокойное - тут же покоя не было: каждая строка вызывала раздумья, волновала, будоражила. С напряженным вниманием следил за тем, как проходила перестройка руководства хозяйственной жизнью страны, какие появлялись новшества в области промышленности, сельского хозяйства, организации труда, финансов, налаживания на новых началах товарооборота между городом и деревней. Следил по газетам, узнавал от товарищей, наблюдал в своем районе.

Бурные споры по поводу всего этого проходили в Горной. Некоторые партийцы - и в их ячейке тоже - высказались против новой экономической политики. Отдельные даже из партии вышли - настолько не по душе пришелся им этот шаг РКП (б), его ЦК-Он, Фадеев, выступал едва ли не на каждом диспуте о нэпе.

Нет, не восхвалял его безоговорочно. Нет, по душе ему было не все. Но как могли не видеть хорошие, в общем-то верные революционному делу товарищи всю мудрость и? дальновидность Ленина, всю его смелость и* решительность в час, когда в интересах партии, народа, страны понадобилось круто изменить политику? Где у противников Ленина диалектический подход?

Сейчас в докладе на губернской партийной конференции Владимир Ильич анализировал поворот к новой экономической политике с позиций революционной стратегии и тактики.

- К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке "штурмовым" способом, то есть самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 года показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от "штурма" к "осаде".

(Весна этого, двадцать первого, года представлялась Фадееву не иначе как Кронштадтом и вспоминалась каждая деталь того дня, когда шел с товарищами по горевшему, казалось, льду, когда лежал на нем под непрерывным обстрелом, а потом полз и полз, пока не добрался до своих. Это был "его Кронштадт". Ленин же извлекал из Кронштадта уроки глубинные, долговременные, первостепенные для всего их рабоче-крестьянского государства.)

- Если такой переход вызывает кое у кого жалобы, плач, уныние, негодование,- говорил Ленин,- то надо сказать: не так опасно поражение, как опасна боязнь признать свое поражение, боязнь сделать отсюда все выводы. Борьба военная гораздо проще, чем борьба социализма с капитализмом, и мы побеждали Колчаков и К° потому, что не боялись признавать своих поражений, не боялись учиться из их уроков, переделывать по многу раз недоделанное или сделанное плохо. Подчеркивал:

- Так же надо поступать в области гораздо более сложной и трудной борьбы социалистической экономики против капиталистической. Не бояться признать поражения. Учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо. Если бы мы допустили взгляд, что признание поражения вызывает, как сдача позиций, уныние и ослабление энергии в борьбе, то надо было бы сказать, что такие революционеры ни черта не стоят.

Доклад был удивительным по своей логике, по остроте постановки вопросов и неотразимости доказательств. Александр впитывал в себя каждое слово. Умом и сердцем откликался на каждую мысль.

Закончил Ильич так же спокойно, уверенно, как начал:

- Мы должны, поставив себе задачу повышения производительных сил и восстановления крупной промышленности, как единственной базы социалистического общества, действовать так, чтобы правильно подойти к этой задаче и ее во что бы то ни стало решить.

Записки в президиум начали поступать еще;; тогда, когда Ленин находился на трибуне. Прения развернулись сразу, без перерыва, скрестить копыя рвались многие. Доводы ораторов-скептиков, ораторов-критиков самим казались неотразимыми. Говорили эмоционально, иной раз даже

слишком эмоционально, переходя чуть ли не на крик; докладчик слушал внимательно, записывал, задумывался. К концу заседания он выступил снова. Не обошел ни одной записки, ни одного довода "против".

Старый коммунист С. М. Семков в пылу выступления бросил: "Что вы говорите о государственной торговле. В тюрьмах нас торговать не учили". Ленин тогда улыбнулся, но перебивать оратора не стал. Отозвался в слове заключительном:

- Тов. Семков, это правильно, что нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили?.. В лучшем случае в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах недаром. Когда нам говорят: "Нас в тюрьмах торговать не учили", то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии...

Некоторые из делегатов пытались убедить всех в неправильности линии, взятой партией. И снова находил Ленин доводы в пользу того, что РКП (б), ее ЦК находятся на единственно правильном пути, ведущем к желанному выходу.

- Надо внимательно рассмотреть конкретные условия, положение, надо определить, за что можно уцепиться,- за речку, за гору, за болото, за ту или иную станцию, потому что, только когда мы сможем за что-нибудь уцепиться, можно будет переходить к наступлению. И не надо предаваться унынию, не надо отделяться от вопроса агитационными восклицаниями, которые очень ценны в своем месте, но в данном вопросе ничего, кроме вреда, принести не могут.

Уцепиться за речку, за станцию... Сколько раз было такое на войне - его войне; как часто, уцепившись за это "что-нибудь", приморские партизаны и народармейцы переставали отступать, бросались вперед и достигали успеха!

Поистине гениальным стратегом был человек, говоривший с трибуны конференции коммунистов Московской организации.

Будто на крыльях, летел Фадеев к друзьям.

В гимнастерке темно-серого сукна и таких же галифе, заправленных в хорошо начищенные сапоги, был он непоказно аккуратен. Аккуратность сказывалась и в точности изложения услышанного.

Точность это отнюдь не бесстрастность. Говорить без душевного волнения о Ленине он не мог.

Два последующих дня работы VII губернской конференции РКП (б) проходили без Ленина? Партийная конференция обсуждала доклад о работе Губэкономсовещания, отчет о деятельности Московского комитета и другие вопросы. Обсуждали активно, порой бурно, иногда схватывались так, что, казалось, "чу-гг бы трещали". Вопреки всем и всяким "пој

правкам", верх брали резолюции ленинские, пусть и не самим Лениным предложенные. О, Фадеев научился отличать подлинное от мнимого, принципиально-партийное от красивых, вроде бы правильных, а на деле беспринципных формулировок отступников. Этому его учили старшие товарищи. Учили не назиданиями своими, но собственным примером и опытом.

Владивосток семнадцатого свел Сашу с М. И. Губельманом - к тому времени уже признанным революционером. Член партии с 1902-го, активный участник первой русской революции, он прошел через тюрьмы, ссылку, каторгу, был одним из руководителей Дальневосточной организации большевиков, всего партизанского движения в крае.

Многие годы спустя Губельман вспоминал, как после первомайской демонстрации 1917 года во Владивостоке в комитет объединенной тогда социал-демократической организации зашла группа молодых ребят. Среди них он сразу же выделил юношу в форме ученика Коммерческого училища: поразили прежде всего его широко открытые светлые глаза. "Он был среднего роста, весь подтянутый, стройный, с открытой шеей, большой головой; его вихрастые волосы были непослушны, он старался пригладить их руками, но они не поддавались и разбрасывались в разные стороны. Это был Саша Фадеев". Их разговор тогда начался с неожиданного упрека, высказанного юношей: социал-демократы, дескать, не обращают достаточного внимания на то, что молодежь еще не организована и ей надо помочь разобраться в происходящих событиях. Губельман возразил, но Фадеев настаивал: "Нет, товарищ Владимир, дело обстоит не так. Сами мы не можем разобраться во всем правильно, и тянут нас к себе анархисты, эсеры, а они, как я понимаю, обманывают". Вспоминая ту встречу, Губельман писал: "Отрадно было видеть, что сама молодежь ищет ответы на волнующие всех вопросы новой жизни..."

Ответы они находили сообща и с тех пор дружили. Дядя Володя пользовался у Александра авторитетом непререкаемым. За долгие годы их взгляды не разошлись ни разу и ни по одному вопросу.

Позволю себе высказать соображение по поводу загадки, которую задала мне одна ; из страниц Стенографического отчета X съезда РКП (б). На 770-й странице в списке делегатов, голосовавших на съезде за резолюцию! "О единстве партии", предложенную В. И. Лениным, против фамилии "Губельман М. И." стоит звездочка, а внизу дается пояснение: он, оказывается, заполнил два бланка "за".

Почему? Зачем?

Лично мне кажется, что многоопытный партийный наставник Фадеева проголосовал тогда и за себя, и за Александра, уехавшей? на Кронштадтский фронт.

Для Губельмана его отъезд неожиданностью не был. Дядя Володя благословил своего юного друга на новый подвиг жизни. И он же, когда на съезде подводились итоги важнейшего обсуждения, он, хорошо знавший взгляды "крестника", твердо высказался в поддержку партийного единства, против фракционности, групповщины и от имени собственного, и от имени сражавшегося под Петроградом Саши.

"Съезд обращает внимание всех членов партии на то, что единство и сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебания в среде мелкобуржуазного населения страны".

Резолюцию "О единстве партии" Фадеев принял потом всей душой.

Фадеев - Губельману (1955 г.): Ты хорошо знаешь, какое влияние твоя замечательная жизнь и борьба оказала на меня, юношу. Я всегда храню в сердце твой образ, как одного из моих первых учителей в суровой и прекрасной школе большевизма...

Учителем в этой "школе большевизма" с недавних пор, уже в столице, стала для него и Землячка.

Фадеев убедился: ее знала и любила вся рабочая Москва.

Невысокая, худощавая, быстрая в движениях, она, казалось, в один и тот же час была всюду, где нуждались в надежном совете и твердом решении. Эта скромная женщина с гладко зачесанными назад темными волосами и вечным пенсне, придававшим лицу излишнюю суровость, обладала искусством все замечать и все понимать; ее глаза видели человека будто насквозь, со всеми его радостями и бедами, сомнениями и тревогами; на редкость щедро дарила она тепло души людям хорошим. Всегда в черном платье с туго накрахмаленным белым воротничком, всегда подтянутая и собранная, эта сорокапятилетняя партийка привлекала к себе молодежь, в которой видела будущее партийного дела.

Саша знал, что революционную свою деятельность Розалия Самойловна начала семнадцатилетней, а в восемнадцать была уже членом Киевского комитета РСДРП. Еще в 1903-м стала она членом большевистского ЦК. Не раз ее арестовывали и сажали в тюрьмы, но никакие репрессии не могли свернуть эту женщину с пути, избранного раз и навсегда. Ленин оценивал работу Землячки как "громадную" и "великолепную", видел в ней надежнейшего единомышленника-соратника, которому с чистым сердцем доверяли любое, самое сложное дело, ни на мгновение не сомневаясь в том, что выполнено оно будет наилучшим образом.

В дни Октябрьской революции Землячка руководила вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района в Москве, потом была на

фронтах гражданской войны - на Северном и Южном, там, где обстановка складывалась всего труднее. Первая из женщин получила она орден Красного Знамени. Приказ об этом гласил: "Награждается орденом Красного Знамени тов. Самойлова-Землячка Розалия Самойловна за то, что в бытность свою Начпоармом 8-й и 13-й армий и на других ответственных и политических постах в различных армиях неутомимой, беззаветной и энергичной организационной и политической работой положила прочную основу боеспособности красных частей и способствовала окончательной победе Красной Армии". Этот документ был подписан 23 января 1921 года - в тот самый день, когда Александр (по чистому совпадению) получил свое новое назначение: временно исполняющим должность военкома бригады. Кто-то, а он всю бесконечность обязанностей комиссара армии представлял. Хотя, наверное, в полном объеме охватить не мог даже он - так эти обязанности были огромны.

Теперь Землячка снова вела партийную работу в Москве, причем в любимом своем Замоскворецком районе. Здесь находилась половина столичных промышленных предприятий, пожалуй, даже много больше половины. Текстильные фабрики, машиностроительные заводы, крупнейшая типография Сытина, кондитерское производство "Эйнем", парфюмерное "Брокер" и сколько других, всяких и разных! Еще с первой русской революции знала она тут все и всех. Почти все свое время проводила в партийных ячейках и рабочих коллективах, поднимая, мобилизуя людей на борьбу за генеральную линию РКП (б). В цехах и на участках, на субботниках и воскресниках, на собраниях и митингах, в квартирах и общежитиях - всюду эта женщина была дорогим, желанным другом. Когда беспартийные рабочие железной дороги, трудясь в вечернее время и воскресные дни, вернули к жизни и подарили своей партячейке давно списанный паровоз, почетным машинистом коллектив единодушно избрал В. И. Ленина, а почетным помощником машиниста Р. С. Землячку.

Горная академия находилась как раз в этом районе. Ее студенты-коммунисты, люди молодые и в то же время бывалые, стали деятельными участниками партийной жизни Замоскворечья. День за днем воспитывала в них Розалия Самойловна большевистский, ленинский подход к решению самых разнообразных вопросов жизни. Она умела выдвигать и растить новые политические кадры. Много крупных в будущем работников всесоюзного масштаба училось у нее, Землячки, искусству созидать новое.

Фадеев (из письма 1925 г.): ...Сколько молодежи благодаря Вам научилось не только понимать, но чувствовать нутром основную сущность партии, ее линию,, настроение массы, научилось презирать болтовню, освободилось от идеалистической "революционности вообще", основанной, например, на простом, слепом преклонении перед "авторитетами", часто мнимыми, и заменил ее подлинным трезвым сознанием долга и

революционной перспективы в мелочах. Здесь товарищ Землячка, Ваше не пропадет Вами...

Нужны ли к этим искренним строчкам хоть какие-то дополнения? Пожалуй, нет. Можно только добавить, что дружили они до самой смерти Землячки. И потом не раз склонял Фадеев свою голову над могилой дорогого ему человека в некрополе у Кремлевской стены...

Но сейчас, напомним, мы с вами находимся в его, Фадеева, двадцать первом, а если точнее, то в последних числах того памятного октября.

Что, казалось бы, значат три дня в жизни человека?

Но если в эти три дня - 29-31 октября - проходит партийная конференция, и если на конференции доклад делает Ленин, и если становишься свидетелем, участником новых партийных сражений...

Такие три дня освещают всю жизнь.

Василий Семенович Емельянов, товарищ по Горной академии, свидетельствовал: "Помимо студенческих занятий Саша все время вел партийную работу. Его несколько раз выбирали членом партийного бюро, а одно время он был секретарем партийной организации..."

Глава двенадцатая

1

Для занятий литературных времени не оставалось.

Пишу это вполне утвердительно. Но вдруг во мне возникает сомнение. Нет, поставлю-ка лучше знак вопроса - он менее категоричен и дальнейшему повествованию-размышлению дорогу не перекрывает.

Не оставалось?

Дописал, выходит, статью о "150000000" Маяковского (было то в июне) и больше за самостоятельное творчество не брался?

Сам Фадеев делился с Дольниковым: "...не признаю никакой беллетристики..." Выходит, и впрямь не писал он больше ничего. Не признаю - это определено и категорично. Но сомнения не оставляют. Может ли быть, чтобы вот так, сразу, оттолкнуло его от литературы, чтобы перестало вдруг тянуть к чистому листу бумаги?

Да, главную часть времени забирали занятия в академии, сидения в библиотеке, но кроме программ учебных поглощали заботы общественные, партийные."

И все же малая толика рабочих суток оставалась. Расходовал ее и на беллетристику...

2

Одному из основателей советской литературы, Всеволоду Иванову, в 1955 году исполнялось шестьдесят. По этому поводу А. А. Фадеев написал ему большое, сердечное письмо. В нем звучало и глубоко личное, по хорошему автобиографическое, причем прямо относящееся к вопросам, поставленным впереди. Ему, Иванову, писал Фадеев, "выпала; честь и счастье - сказать первые слова о том, что принесла людям Октябрьская революция". Сказать еще тогда, когда революция только-только свершилась.

"Никому не было известно, какими словами можно выразить в искусстве этот невиданный переворот в жизни, в быту, в сознании людей,- вспоминал Александр Александрович.- Да и, казалось, возможно ли выразить это вот так, сразу, на другой день, еще почти в огне схватки?.."

Казалось всем, кто над этим задумывался.

Казалось ему, к писательству тянувшемуся.

Ничто не отстоялось, все рядом, близко. Коснуться рукой - пожалуйста. Писать - так ведь нужно еще осмыслить. И события осмыслить, и себя в этих событиях, которые не закончились - продолжают, развиваются, углубляются. .

"И ты сказал эти первые слова, сказал о том, что было тобой пережито, сказал по-своему, так, как казалось..."

Книгу рассказов В. В. Иванов выпустил в девятнадцатом. Его "Партизаны" появились в 1921-м. Повесть о борьбе сибирских партизан с Колчаком и интервентами... Он, автор, в этой борьбе участвовал и рассказал обо всем правдиво, увлеченно. "Бронепоезд № 14-69" придет к читателю год спустя, но уже рассказы его, уже "Партизаны" окрыляли, вдохновляли, звали: писать есть о чем - пиши!

"...Мы еще только собирались тогда написать о пережитом и сомневались в своих силах. И вот оказалось, что это возможно, да еще как возможно,- со свободой почти головокружительной!

Студент того легендарного времени, я ходил из комнаты в комнату по общежитию и читал вслух Всеволода Иванова очень звонким голосом. Помимо всего прочего, это оказалось и выгодным во времена, когда студенческий паек состоял в основном из ржавой селедки. Упоенные, как и я, слушатели и слушательницы родом из деревни охотно делились со мной хлебом и салом..."

Важнее хлеба и сала было сознание того, что писать можно, писать нужно, писать пора.

3

Как-то Павел Максимов, товарищ по Ростову 1925 года, спросил Фадеева, давно ли он начал писать, где и когда впервые напечатался. Ответ

ему запомнился. Мол, пробовал писать давно, еще в Коммерческом училище, а будучи в партизанском отряде, активно сотрудничал сначала в рукописной, потом в гектографированной газете "Партизанский вестник", которую выпускал в селе Фроловка. В 1921 году Александр, лежа в госпитале, за писательство взялся снова, уже серьезнее, и начал писать большой роман о гражданской войне на Дальнем Востоке.

Роман? Да еще "большой"! Мемуарист мог запомнить, изложить услышанное неточно. Известными фактами фадеевской биографии сообщение о "большом романе", всяком случае, не подтверждалось. Где искать разъяснения? Где они, весомые "за" или хотя бы "против"?

У Фадеева!

В июле 1933 года в Москве проходил слет литературных кружков рабочих полиграфической промышленности, выступал там и Фадеев. Рассказывал он о себе. Доклад был издан отдельной брошюрой: "Мой творческий опыт - рабочему автору", а со временем вошел и в тысячестраничный том публицистики "За тридцать лет".

Читаем: "Тема "Разгрома" была задумана мною гораздо раньше, чем я приступил к ее осуществлению. Основные наброски этой темы появились в моем сознании еще в 1921 - 1922 годах..."

Писать свое, знаменитое впоследствии, произведение Фадеев начал годы спустя; тогда же он пребывал в "первоначальном периоде своей художественной работы", о котором, по его собственным словам, "рассказывать наиболее трудно".

В двадцать первом (и двадцать втором) происходило в нем то, что писанию предшествует непосредственно: "...в сознании художника образы проносятся хаотически, в несобранном виде; в сознании художника нет еще цельных, законченных художественных образов, есть только сырой материал действительности; только впечатления от наиболее поразивших его лиц, характеров людей, событий, отдельных положений, картин природы и т. д. В этот период своей работы художник сам еще не знает определенно, что получится в результате его наблюдений и изучения жизни..." И далее: "...лишь через некоторый период времени разрозненные образы действительности начинают складываться в некое целое, хотя далеко еще не законченное; начинают оформляться в сознании художника какие-то основные вехи произведения - тогда и наступает период, когда можно записывать те или иные куски, - главы, наброски плана..."

В любом случае факт остается фактом: в 1921-м о "Разгроме" и над "Разгромом" он уже думал.

"Большой роман о гражданской войне на Дальнем Востоке", мысль о котором поселилась в нем со времени лечения в петроградском госпитале, из сознания его не уходил.

Фадеев: "Темы романов "Разгром" и "Последний из удэге" в тот период (1921 - 1922 гг.) еще очень сильно переплетались в моем представлении: я не думал тогда, что это будет два произведения, а думал писать один роман..."

Так вот на что замахнулся он на двадцатом году жизни! На то, что в недалеком будущем сделает его известным всему читающему народу... "Разгром" увидит свет в 1927-м, "Последний из удэге" начнет печататься в 1929-м, будет писаться более двадцати пяти лет, но останется незаконченным (из задуманных шести частей автор опубликует только четыре).

Со временем придет к Фадееву мысль ввести в "Последний из удэге" Сергея Лазо - образ по-особому дорогой.

Осуществить эту идею ему, к сожалению, помешает смерть.

4

Вернемся, однако, в двадцать первый. На какое-то время "большой роман" отодвинула вдруг возникшая новая идея.

- Как впервые напечатался? А произошло это очень просто,- рассказывал Фадеев Павлу Максимову.- В то время я был студентом Горной академии в Москве. Написал свою первую повесть "Разлив", переписал ее начисто на бумаге из конторской книги и по дороге в академию занес рукопись в редакцию журнала "Молодая гвардия", отдал ее секретарю редакции и пошел дальше, в академию, на лекции. Там, в редакции, моя рукопись лежала или где-то странствовала довольно долго, пока не попала в руки Либединского и Сейфуллиной. Они дали о моей повести хорошие отзывы, и она была напечатана в альманахе "Молодогвардейцы", который ты видел. Только и всего...

Написал, переписал, отнес - действительно "только и всего". Много сложнее оказалась сама работа.

Фадеев - уже через десять лет после публикации "Разлива" - отзывался о повести с неудовольствием: "Недоношенное произведение неизбежно получается рыхлым, идея его часто остается непонятной читателю, ибо недостаточно была она, очевидно, ясна и понятна и самому автору. Именно по этой причине и мое первое произведение было написано несовершенно, плохо, опыт работы над ним является опытом отрицательным".

Понял он свои главные просчеты позже. Тогда же работал над повестью с подъемом необыкновенным. Не зря ведь Юрий Либединский, читая рукопись, был увлечен "ощущением свежести и силы юного, своеобразного таланта". В полную силу звучала в "Разливе" и его, Александра, любовь к родной земле, и его, Фадеева, мечта о будущем этих, дорогих сердцу, мест.

"И думал Неретин о том, как неумолимые стальные рельсы перережут когда-нибудь Улахинскую долину, а через непробиваемые сихотэ-алиньские толщи, прямой и упорный, как человеческая воля, проляжет тоннель.

Раскроет тогда хребет заповедные свои недра, заиграет на солнце обнаженными рудами... По хвойным вершинам впервые застелется горький доменный дым, и новые жирные целики глубоко взроет электрический трактор. И... захотелось Неретину, чтобы одним из таких тракторов управлял седой и молчаливый таежный сын - Тун-ло..."

Писал человек, желавший писать, но пока только пробовавший свои силы. Получится? Не получится? Хотелось, чтобы получилось.

Повесть датируется 1923-м. Но и она начиналась тогда, в двадцать первом, на пороге его двадцатилетия.

5

Начало литературного своего пути сам Фадеев относил именно к 1921-му.

Относили и закадычные друзья его - "московские дальневосточники". Например, та же Ольга Лазо, прямо связывавшая его работу над первыми произведениями, посвященными гражданской войне ("Разлив" и "Против течения"), с теми месяцами в Москве, когда он, казалось,, был без остатка поглощен учением в академии и делами партийными. "Иногда Саша читал нам отрывки из своих произведений. Насколько я помню, мы были не особенно строгими критиками. Все мы очень любили Дальний Восток... и все, что писалось про Дальний Восток, казалось нам близким и родным..." Запомнились те чтения и Татьяне Цивилевой: "Народу было много, сидели прямо на полу. После чтения много было крику, искали, кто с кого написан, оспаривали правильность характеристик и поступков прототипов. Словом, ушли в сторону. Саша тут нам преподавал урок о праве писателя на обобщение. Мы как-то вдруг увидели, как сильно вырос Саша, как заметно опередил своих сверстников в смысле общекультурного развития".

Литературные занятия товарища радовали не всех.

Первые главы повести "Разлив" вынес Фадеев и на суд товарищей по академии. Но тут его постигла неудача, больше того, здесь он впервые ощутил горечь провала.

Из самых добрых побуждений друзья решили, что Александра во что бы то ни стало нужно отучить заниматься "глупостями".

- Пусть лучше зачеты сдает,- сказал, выражая общее мнение, один из соучеников по группе - Апраткин.

Задумано - сделано. Когда Фадеев начал читать, почти тотчас стали раздаваться резкие реплики и едкие замечания. Саша пытался продолжать, но

не выдержал, выскочил из комнаты, а свои листки порвал. "С нами он не разговаривал несколько дней,- вспоминал В. С. Емельянов.- Но желание писать в нем было так сильно, что он восстановил все написанное и был прежним веселым, общительным Сашей".

Не писать Александр уже не мог.

Не зря признавался учителю своему Степану Гавриловичу при встрече их в Петрограде:

- А писать хочется...

Желания своего он больше не таил. Прятки - игра детская.

Глава тринадцатая

1

Писем его из двадцать первого дошло до нас мало. Если точнее, то всего три письма Исе Дольникову. Три и концовка четвертого (начало где-то затерялось; в семье погибшего на; войне адресата от этого письма остался лишь малый клочок - то, чем оно заканчивалось). Но голос друга в нем слышен? Слышен, да еще как! И с интонациями - живыми, искренними.

Фадеев, по возрасту чуть старше Дольникова, убеждает его в чрезмерности переживаний по поводу того, что обидела, обманула, пусть даже оскорбила та, в которую друг был влюблен.

Выписываю строчки, от этого письма сохранившиеся:

"...Человек должен быть прежде всего сильным и крепким, и никакая любовь (я могу писать так, потому что я все-таки изведаль от сего сладкого плода), никакая глубокая мысль, поскольку она касается только одного тебя, никакая мучительная страсть не стоят одного хорошего и крепкого мускула, ибо "в здоровом теле здоровый дух" и "не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание..."

Последнее положение есть основа диалектического материализма.

Я кончаю. Извлеки из моего письма максимум пользы для себя. Не забудь, что писал я серьезно, а думал над тем, что писал, уже давно и долго, и то, что я писал, есть действительно частица моей житейской философии.

Засим передай привет всем, кому хочешь, даже повергнувшей тебя в пессимизм особе (она, должно быть, несмотря ни на что, все-таки мила, если тебя подкузьмила), и не забывай о Сашке..."

Военком бригады, делегат съезда, политбоец на кронштадтском льду, партийный активист в столице, зрелый политический работник и... во многом наивный, в личных, житейских вопросах малоискушенный мальчишка.

Вот и здесь: предмет разговора отнюдь не пустяковый, пишет, кажется, без малейшей попытки вышучивать, а читаешь и... улыбаешься. Какая чистота молодости, которых ты ругал меня свиньей, были очень толсты и

содержательны, а все потому, что я вступал тогда в полемику с тобой по всем вопросам современности (литературы и поэзии, в частности) и по этой самой причине не только не жаловался на отсутствие материала для послания, но даже рычал на недостаток бумаги..."

Жаль, конечно, что "толстые и содержательные" не сохранились, но сам факт - писал - со счетов сбрасывать нельзя. Писал... Письма ведь тоже творчество!

2

Сохранилось бы побольше его писем! Или успел написать о том времени воспоминания сам.

Или так рано не ушли из жизни друзья...

Но к чему мечтания, которым не сбыться? Довольствоваться надо тем, что есть. И извлекать из имеющегося побольше.

Пожелание адресую себе самому. Прежде всего себе.

Писал я главу петроградскую: Фадеев в бою, Фадеев в госпитале. Документальная повесть-хроника зиждется на документах, а здесь их было до обидного мало. Как не посетовать на невезение? Сетовал... А вот письма к Дольникову перечитать тогда не догадался. Там же - в одном, 7 декабря писанном,- прямо говорится о "манускриптах", которые он посылал из Петрограда другу в адрес дальневосточного представительства (но получил сам, когда вернулся).

"Помнится, что те письма, за неполучение. Теперь это, декабрьское, письмо передо мной снова. И до чего живо рассказывает оно мне о его, Фадеева, интересах, его настроениях тех дней и месяцев.

Фадеев - Дольникову

"...Москва... не дремлет. Не говоря уже о дискуссиях, придется отметить повышение производительности, улучшение настроения беспартийных масс, сокращение учреждений и штатов и т. д. Идут постановки новых пьес, например, в 1-м театре Пролеткульта ставится недавно оконченная Плетневым "Лена", происходит чествование различных писателей в дни их годовщин, как, например, Достоевского, Некрасова и пр. И по-прежнему в Политехническом музее "лекционируют" Луначарский, Поссе, Коган, Рейснер и другие. Появились на свет и новые журналы. Например, "Печать и революция" - очень интересный журнал критики и библиографии, издаваемый Госиздатом, или "Красная новь", номера которой, должно быть, у тебя уже имеются, или "Наука и революция" и т. д.

Сейчас на носу партконференция и 9-й съезд Советов, к которому... будет организована громадная, обещающая быть интересной выставка. В области различных "поэтических кафе" приходится констатировать

несомненно прогрессирующий упадок. Гибнут из-за собственной идеологической слабости футуристы, имажинисты, фуисты и другие "исты", нет больше лозунгов "Вся власть ничевокам!", но зато медленно, но верно, с упорством "изюбря" растет и развивается Пролеткульт Москвы и Питера.

Придет время, и оно первых забудет "неблагодарное" потомство, вспомнит история только Маяковского, а пролеткульты станут рассадником нового искусства. Так будет, что бы ни писал и о чем бы ни плакал Чужак..."

Он знает, что происходит в партийных организациях, на заводах, в учреждениях; и не только по газетам знает, не по внешним показателям судит - ему известен самый дух их жизни, известны настроения людей: интеллигенции, рабочих, студентов, беспартийных и коммунистов.

Ждет - он ждет как событий, его лично касающихся,- и 11-ю Всероссийскую конференцию РКП (б), назначенную на 19 декабря, и 9-й Всероссийский съезд Советов: рабочих, крестьянских, красноармейских и? трудовых казачьих депутатов РСФСР (уже объявленный на 23-е); они для него "на носу" - так говорим мы о том, что касается нас непосредственно.

Пишет о дискуссиях - сам в них участвует. О пьесе В. Ф. Плетнева - этот драматург и критик, видный деятель Пролеткульта, ему интересен. Не без Фадеева проходят юбилейные вечера великих русских писателей. Ничего не поясняет, называя имена тех, чьи лекции собирают особенно большие аудитории в Политехническом музее. Ну, Луначарский известен всем и каждому. А Поссе Владимир Александрович - журналист и общественный деятель? Коган Петр Семенович - профессор литературы, автор книг по ее истории? Рейснер Михаил Андреевич - тоже профессор, в области психологии и права? Он знает о них не понаслышке - слушал сам, притом с интересом.

Уже понял - и уже принял - "Печать и революцию", хотя первый номер журнала вышел лишь в июле; у "Красной нови" стаж не больше, а у "Науки и революции" и того меньше, пишет же о них не с чьих-то слов - сам читает, сам рекомендует.

Знает Александр все "модные" течения в поэзии. С удовлетворением замечает: "мода" проходит. И причины этого видит: у них, "истов", шаткая, совсем слабая идеологическая основа, оттого и гибнут. Вот Маяковский устоит - он свой, по духу партийный, настоящий боец и трибун.

Предсказывал Фадеев долгую жизнь и Пролеткульту. Только в этом одном возобладали в нем личные симпатии к кому-то и чему-то. Ошибочность пролеткультовских принципов он поймет, осознает позже. И поведет с ними борьбу - решительную, бескомпромиссную.

Что касается "Чужака", то его - (Чужака-Насимовича, дальневосточного журналиста и редактора,- Александр и Ися знали одинаково хорошо. Нет, Дольников все-таки лучше: работать с Чужаком продолжал он и сейчас.

Письма... На первом плане в них не Фадеев - жизнь, что бушует вокруг, друзья, без которых себя не представляет.

Из того же письма:

"...Что сказать о жизни "наших в Москве"? Учатся, жуют хлеб, работают, нервничают, за недостатком времени забросили лекции и театры и, стало быть, не считая последнего, по-прежнему во всех отношениях благоденствуют. Благоденствуют, т. е. дышат и немного кушают, а иногда и разговаривают, участвуя тем самым в том интересном, многообразном, калейдоскопическом винегрете, что именуется жизнью. Прими последнюю фразу за шутку, а не за философию и не обвиняй в антимарксистском определении понятия "жизнь"..."

"Своего" адреса в столице Фадеев не имел долго. Это, надо сказать, его несколько не тяготило - имели бы "адрес" друзья. Дольников (и не только он) писал на Остоженку, 38,- там жили Татьяна Цивилева и Адольф Крастин. "В комнате нашей на Остоженке,- вспоминала Т. Цивилева,- было нечто вроде перевалочного пункта.: приезжавшие с Дальнего Востока товарищи ехали прямо к нам и жили, пока не устраивались. Отсюда скопом ходили на разные диспуты: футуристов, акмеистов, "ничевоков". Бывало, наши рабфаковцы, возмущенные заумными платформами этих "искателей истины" и не искушенные в "новейшей" фразеологии, вступали чуть ли не в рукопашную с пророками "грядущего".

Для Фадеева пора "рукопашных" уже прошла. На противников нового строя и новой культуры обрушивались им не кулачные удары, но огонь доказательств. Спорил и... побеждал. Дрался и... помогал сплочению товарищей.

Не без него, Александра, сдружилось - да как еще крепко - дальневосточное их землячество.

Чем-чем, а даром дружбы обладал он в полной мере.

Заканчивая эту очередную главу своего повествования, выделю одно лишь выражение из того самого письма, что приведено здесь чуть раньше: "...и немного кушают..."

Обойти эти слова нельзя.

В Москве было голодно и в марте, когда он только-только вышел из вагона сибирского поезда. Но несравненно тяжелее - голоднее много больше - было теперь, осенью и зимой 1921-го.

В том году на поля России нагрянула опустошительная засуха. Тридцать четыре губернии схватил за горло неурожай. Голодали миллионы.

Редко приходилось "кушать" и им; московским студентам.

Но жизнью для них была не только еда...

Глава четырнадцатая

В письмах к Дольникову Саша касался многого и многих. Занимало его все.

Читая, узнаем:

"Приехавший- на жительство в Москву из Иркутска Климов сообщил нам, что Зоя под литером "Б" с "Медведем" в Чите. Почему не пишут они?..

...Слушай, а где Андрей Попов? Почему о нем ничего не слышно, имее ли вы, читинцы, с ним связь?.."

Зоя под литером "Б" - Зоя Секретарева, или Зоя Большая, дальневосточная революционерка, коммунистка-подпольщица, здесь' уже упоминавшаяся. Медведем называли в подполье Константина Серова, ее мужа.

Попов, о котором Александр спрашивал, был моряком, подпольщиком, партизаном; знали его и как делегата II Всероссийского съезда Советов. Не могли не знать, если таких на Дальнем Востоке наперечет было.

Прибывший в столицу на службу участник владивостокского большевистского подполья Анатолий Климов рассказывал о многом, но и он мог ответить не на все вопросы. Бурные события разметали друзей и знакомых по разным местам края, по городам и весям России. Хотелось знать о каждом, а как узнаешь, если такие расстояния, и не только тысячами верст измеряющиеся...

Где сейчас Конев Иван? Дела там - в Забайкалье, на Дальнем Востоке - бурные, тревожные. Воюет, конечно. Свидятся ли еще?

(Увидятся много позднее - снова на партийном съезде, а потом и на фронте Отечественной, под Смоленском...)

И опять:

"Где Гришка, Санька, Петька, Игорь и пр.?"

В декабрьских письмах, правда, этого вопроса нет. Дольников, по всему судя, хоть изредка, но отвечал. Сообщил и о том, что друзья живы, воюют.

Но неожиданные удары судьбы подстерегали на каждом шагу - таким было время.

Ив этом самом декабре - месяце своего рождения, своего двадцатилетия, - потерял он, одного за другим, сразу двух ближайших, закадычных друзей.

Из тех, о ком думал особенно часто.

В декабре погиб Саня Бородкин. Захватившие Хабаровск белогвардейцы решили перерезать пути отступления Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Чтобы осуществить этот стратегический замысел, группа генерала Сахарова, состоящая из полутора тысяч сабель,

должна была перейти через скованный льдом Амур и в районе Волочаевки разрушить железную дорогу в тылу НРА. Но не так получилось, как планировалось. Возле Казакевичево войско Сахарова задержал Коммунистический отряд. На пути белых преградой стали двести коммунистов и комсомольцев, мобилизованных на отпор врагу Амурским и Приамурским комитетами РКП (б).

Бородкин заведовал в Амурском обкоме агитационно-пропагандистским отделом. Отбирая в отряд достойных, не мог остаться в стороне от горячего дела и сам. Не без труда, но добился: послали вместе с товарищами.

Тяжким, кровавым был тот неравный бой. 1500 и 200... Дрались героически, за каждый метр держались зубами, падали под пулями, но не отступали. Полегли чуть не все, а задачу выполнили: Народно-революционная армия под прикрытием отряда смельчаков успела отойти к станции Ин, где и закрепилась для будущих сражений, уже наступательных.

...Двадцать восемь отважных получили тяжелые ранения и в бессознательном состоянии, истекая кровью, оказались в руках врага.

Их ждала мучительная смерть.

Константин Серов потом рассказывал:

"Все они были страшно изуродованы. Сильнейшее потрясение и горе испытал я, увидев труп Сани Бородкина, зверски изувеченный. На животе и ногах его - полосы от раскаленных шомполов, подбородок был наискось разрублен, его синие, чистые, как безоблачное, летнее небо, глаза были выколоты..."

Бородкин Саня, какой же болью гибель твоя отзовется в сердце любившего тебя друга - одного из давней мальчишеской компании, ядром которой были "три мушкетера и д'Артаньян", активнейшего среди "соколят", так славно воевавших со всеми и всякими врагами, соратника по партизанским походам, по работе в Благовещенске, по всей жизни! В "Повести нашей юности", сотканной из писем и воспоминаний Александра Фадеева, ты, Саня, живешь на многих страницах. И всюду ты юный, всегда и навсегда живой, вовек неумирающий...

Не читали эту книгу - прочтите. И каждому, убежден, запомнится его, Фадеева, гимн дружбе:

"Я на всю жизнь благодарен судьбе, что у меня в боевые годы оказалось трое таких друзей! Мы так беззаветно любили друг друга, готовы были отдать свою жизнь за всех и за каждого! Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически".

Написано это в мае 1950-го - почти тридцать лет спустя.

Саня Бородкин погиб еще в гражданскую войну...

Он погиб в бою (тогда же погиб и Игорь Сибирцев)...

Строки из писем конца сороковых годов. Ниточки воспоминаний, распутывавшиеся не сразу.

Игоря не стало четыре дня спустя. Любимейшего друга и брата - Игоря Сибирцева.

3

Тамара Головкина вспоминала, как, услышав эту страшную весть, Саша разрыдался и никак не мог успокоиться.

Игорь погиб на левом берегу Амура, под Покровкой. Был он комиссаром бригады и в бою с белыми, наступавшими от Хабаровска, геройским своим поведением вел и вдохновлял других. Пулеметная очередь изрешетила обе его ноги, раздробила их, свалила Сибирцева на землю. Бойцы подбежали, чтобы вынести комиссара с кровавого поля, но тот приказал им двигаться дальше, а его оставить. "Мое дело кончено",- бросил он. Из своего нагана Игорь застрелил подбежавшего к нему белого офицера, последнюю же пулю пустил себе в сердце, чтобы не достаться врагу живым.

Фадеев в очерке "Семья Сибирцевых" последние мгновения жизни двоюродного брата описывал немного не так: "Игорь... был ранен в обе ноги. Их преследовала кавалерия, его уносили с поля боя наши красноармейцы. Он просил, чтобы они его бросили, потому что им трудно было убежать с ним. Красноармейцы этого не сделали, и он застрелился у них на руках".

Но расхождения только в деталях. Факт остается фактом: Игорь погиб героем.

Ни на чью долю не пришлось столько сокровенных фадеевских слов, сколько обратил он к нему, Игорю Сибирцеву.

Игорь был для него самым близким, родным человеком, живым примером, образцом во всем. Его памяти уже вскоре посвятит Фадеев одно из первых своих произведений - рассказ "Против течения".

Всего на три года он был старше Саши. Но насколько опытнее, зрелее, мудрее сделала Игоря вот эта тысяча с небольшим дней! Окончив гимназию во Владивостоке, поступил Сибирцев-младший в тот же институт, где учился его брат Всеволод,- в Петербургский политехнический. Учение его там продолжалось лишь полгода. Шла мировая война, положение для России складывалось неблагоприятно, вот и призвали в армию, направили в артиллерийское. Царским офицером он, однако, не стал. На пороге Октябрьской революции, поняв, на чьей стороне правда, девятнадцатилетний юноша порвал с юнкерством - оплотом врагов революционного преобразования жизни. В ноябре 1917-го вернулся Игорь во Владивосток и сразу окупился в борьбу. Уже в восемнадцатом был он членом подпольного горкома, а затем и обкома РКП (б). Это ему - прежде всего ему -

принадлежала честь приобщения Александра к работе владивостокского подполья (один стал Селезевым, другой - Бульгой). Вместе вступали они в ряды приморских партизан, вместе дрались на самых опасных участках.

Часто вспоминалась Фадееву ночь с 4 на 5 апреля 1920 года. В ту драматическую ночь они оказались в Спасском среди тех, кто организовал отпор интервентам и спасение всего, что можно было спасти. Все острее понимал Александр: именно Игорю, больше всего Игорю обязан тем, что тяжелое ранение в страшный час не сделало его добычей врага. Легко это сказать - эвакуировали в безопасное место. А скольких усилий, какого риска стоило вынести их, лишенных способности двигаться, туда, где смерть уже не угрожала...

Ну а пароходные рейсы по Уссури, когда не один месяц перевозили военные грузы и снаряжение за Амур? Сибирцев был комендантом парохода, и как часто все дело спасало его удивительное умение принимать в самый критический момент решение беспрюграммное, единственно верное. "Рейсы по Уссури в 1920 году - одно из самых счастливых воспоминаний моей юности,- писал Фадеев в 1948-м.- Мне было 18 лет. Я поправлялся после ранения, полученного мною под Спасском, еще хромал, но уже было ясно, что все будет хорошо... Постоянное напряжение, опасности, наши - иногда кровопролитные- схватки с дезертирами из армии, не раз пытавшимися овладеть пароходом, чтобы удрать за Амур,- все это только бодрило душу".

Игорь, Игорь, каким талантливым был ты руководителем - и политическим, и военным! Начальник штаба, командир части, комиссар бригады... Жил героически - смертью храбрых умер. Погиб, чтобы торжествовала Революция, чтобы вечно жила власть Советов.

Прощай, друг и брат... Прощай...

Есть ли что горше утраты друзей?!

Уже весной следующего, 1922 года, обращаясь к Исе Дольникову, Александр написал: "...в голове... кошмарный винегрет: погибли Санька, Фельдман, Игорь, Харитоша, Серобабин, ранен Володя-маденький, поморозились Гришка и Хомяков, ампутированы ноги у Никитенки..."

Все это были общие их друзья по Дальнему Востоку.

Глава пятнадцатая

1

Вспоминалось, как говорили с Игорем о Ленине...

Здоровье вождя волновало Александра - с каждым днем все больше. И не только Александра - всех, кому дорого было священное дело революции.

Работал Ильич без отдыха, с напряжением предельным - это чувствовал и знал каждый. Однажды, беседуя в Замоскворецком райкоме с Розалией

Самойловной Землячкой, знавшей Ленина давно и дружески, почувствовал Фадеев, как встревожена она состоянием здоровья бесконечно дорогого человека. "Отдохнуть надо Ильичу, подлечиться..." - проговорила с плохо скрываемой тревогой.

- Почему же ЦК не потребует? - глухо спросил Александр.- Ленина беречь надо!

- Дорогой товарищ Саша,- откликнулась старая большевичка,- кто не знает, как может убеждать Ильич! Вот и сейчас всех убедил, что достаточно ему самого небольшого "текущего ремонта". Но и для него времени не находит...

Тяжелые годы подполья и эмиграции, крайнее переутомление, да и еще, конечно, ранение в 1918-м сказались: на Ленина навалилась болезнь. Как там Ильич?.. Как здоровье их вождя?.. На XI Всероссийской партийной конференции Владимира Ильича не было. Весть об этом полоснула по каждому честному сердцу. Ленину... плохо?!

Теперь возвращалось успокоение: в самый канун его, Александра, двадцатилетия Ленин выступил с докладом на IX Всероссийском съезде Советов.

Ленин делает доклад - Ленин на посту снова.

2

Его встретили овацией, возгласами: "Ура!", "Да здравствует наш вождь товарищ Ленин!", "Да здравствует вождь международного пролетариата товарищ Ленин!" - и снова аплодисментами, не смолкавшими долго.

- Товарищи! Мне предстоит сделать отчет о внешнем и внутреннем положении республики. Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год, и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было. Первый год, как мы воспользовались, хотя и в самой неполной мере, но все же относительным отдыхом от нашествий и могли хоть сколько-нибудь приложить свои силы к тому, что является главной и основной нашей задачей,- к восстановлению хозяйства, разоренного войнами, к излечению тех ран, которые были нанесены России командующими эксплуататорскими классами, и к тому, чтобы заложить фундамент социалистического строительства...

Среди 1993 делегатов IX Всероссийского съезда Советов, в почетном этом списке, имени Фадеева не значится. Но были на съезде и некоторые из партийцев Горной академии, и товарищи по Замоскворецкому райкому, и кое-кто из дальневосточников, так что бюллетень первого съездовского дня с отчетом ВЦИК и СНК, представленным на рассмотрение Лениным, он мог читать уже тем самым вечером.

Съезд подводил первые итоги работы в условиях новой экономической политики, начальные, но уже весомые результаты деятельности рабоче-крестьянского правительства в области внутренней и внешней политики. Ильич не обходил ни одного, самого острого, вопроса.

- Достигнуто до известной степени неустойчивое равновесие,- говорил он, характеризуя международное положение.- Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально... мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй,' если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз. Вот почему мы говорим себе: взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду.

Своим вниманием Ленин охватывал всю страну, весь мир, любая важная сторона жизни была в поле его зрения и подвергалась анализу - всеобъемлющему, разностороннему, объективному. Война и мир, хлеб и топливо, торговля и промышленность, политическая работа и государственная безопасность - о чем только ни шла речь, на какие только вопросы ни отвечал их революционный вождь, выступая перед теми, кто представлял на съезде весь трудовой народ. Владимир Ильич ставил задачи - коренные, главные: мирное сосуществование стран и народов, быстрее восстановление сельского хозяйства и борьба с голодом, восстановление и подъем крупной промышленности, "соединение рабочих и крестьян в прочный экономический союз".

- Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо,- заканчивал Ленин.- Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы выработать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут.

Ленинский доклад был для Александра лучшим из подарков ко дню рождения.

3

Жил он то у одних друзей, то у других. Собственно, только ночевал: с утра и до позднего вечера был в Горной, сидел в библиотеке, бегал по делам общественным, выполнял партийные задания.

Теперь же Саша обретал свои "собственные апартаменты". Их, правда, еще надо было привести в порядок: иными словами, основательно отремонтировать; это лежало на них самих, будущих хозяевах дома, но работы уже начались, в здание входили уверенно.

В истории Горной академии значится: как раз в это время студентам передали большой каменный дом в Старомонетном переулке. Раньше дом принадлежал Марфо-Мариинской обители, владевшей и громадной усадьбой, простиравшейся до Большой Ордынки и Пыжевского переулка; здание имело коридорную систему, в комнатах размещалось по четыре человека. Жили студенты-горняки дружно, каждый делился с товарищем всем, что имел. Взаимная поддержка помогала преодолевать трудности, которых было предостаточно. В едва отапливаемом общежитии почти все время приходилось быть в верхней одежде, большинству - в шинелях. После занятий сходились в подвале у кухонной плиты. Грелись, разговаривали, спорили и... готовили себе, что приходилось.

Однокурсник Емельянов вспоминал, что с переездом в общежитие как-то сразу образовалась тесная студенческая группа из семи человек. "В нее,- перечислял он,- входило четверо бакинцев - Тевосян, Апрыткин, Зильбер и я, двое костромичей - братья Блохины, Алексей и Николай, и бывший партизан амурского края Саша Фадеев". Александр запомнился ему особенно: "Саша был душой этой семерки. Он был чудесным рассказчиком, и, несмотря на голодное время (тогда студенческий паек состоял из небольшого количества ржаной муки и селедки), я не помню, чтобы у Саши было плохое настроение".

Общежитие запомнилось и Фадееву.

Думая в последние годы жизни над своим романом "Черная металлургия", он делает в одной из рабочих своих тетрадей (они в фонде ЦГАЛИ) запись: "Я должен использовать все свои знания быта студенческих общежитий начала двадцатых годов..." И тут же уточняет: "Это можно сделать в связи с заместителем министра - армянином Багдасаровым..." Прототипом Багдасарова для него, автора, был спутник юности Тевосян. Другими героями неосуществленной, ненаписанной книги хотелось видеть многих из тех, с кем (по его же словам в той самой тетради) делил все сложности "времен перелома от военного коммунизма к нэпу и на переломе от нэпа к наступлению на капиталистические элементы".

Поделюсь еще одним наблюдением.

Помните, о чем мечтал Кирилл Неретин на последней странице "Разлива"? О стальных рельсах, раскрытых заповедных недрах, электрическом тракторе и... горьком доменном дыме над нетронутыми хвойными вершинами. Последняя из немногих опубликованных глав "Черной

металлургии" заканчивалась могучим индустриальным пейзажем: перед читателем представала "целая симфония дымов", исторгаемых металлургическим гигантом.

Думается, что и мечта Неретина, и явь Фадеева начало свое вели от ленинского доклада на IX Всероссийском съезде Советов, тех, в частности, его слов, которые прямо касались металлургии.

- Мы нисколько не скрываем от себя,- говорил Ленин,- что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но... мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что подъем станет еще выше...

24 декабря 1921 года Александру Фадееву
исполнилось двадцать. *

Письмо И. Дольникову, сохранившееся только частично, заканчивалось бодро:

"Я писал, что мне 20 лет. Только вчера исполнилось. Сегодня начал третий десяток, а их ведь еще много, вот я и не унываю! Желаю того и тебе".

Вместо заключения

Строго документальное повествование об одном годе жизни всем известного, всеми уважаемого человека я закончил. Но, скажу без обиняков, трудно мне с ним расставаться. Оттого и ищу пути продления моего с героем общения. Серия, для которой пишу, называется просто и ясно: "Когда им было двадцать". Двадцать ему исполнилось в конце декабря 1921 года. Однако двадцатилетним он оставался и почти весь 1922-й? Чем в таком случае отмечен, озаменован год следующий?

Учился. "Я по-прежнему занимаюсь в Горной академии,- писал он 1 мая 1922 года И. Дольникову.- 15 мая поеду в Подмосковный угольный бассейн на геологическую практику, а в июне в Туркестан - на "нефть" - на рудничную практику".

Р а д о в а л с я друзьям и дружбе. "Живу я теперь в общежитии Горной академии, где много хорошей братвы..." (из того же письма). "Его звонкий заразительный смех рассыпался то в одной, то в другой комнате",- вспоминал В. Емельянов.

Старался больше узнать. "Я ездил на месяц в отпуск в деревню Витебской губернии, где пахал, чистил сад, пилил дрова, ходил на охоту, катался верхом, посещал "вечорки", митинговал и т. д., и т. д... Недавно я чуть не укатил на год в Якутскую область, но дело сорвалось: ЦК не пустил..." (тому же Дольникову).

Вел активную работу в Горной академии. 171 коммунист проголосовал за избрание его в состав бюро партячейки; бюро избрало его своим ответственным секретарем.

Деятельно работал в парторганизации Замоскворечья. В архиве писателя сохранились удостоверения о том, что Фадеев является секретарем культкомиссии завода Людвиг и Смит (переименованного в "Красный блок"), а также комиссии по охране труда на том же предприятии. Как председатель, вел Александр собрания по перевыборам в Моссовет и Замоскворецкий районный Совет.

Писал. Именно в этом году была в основном написана повесть "Разлив"; тема гражданской войны, ее героические события и люди увлекали его все больше и больше. Включался в литературный процесс. "Я писал стихи, Фадеев - прозу. Оба дышали и существовали интересами новой, советской литературы...- вспоминал 1922 год соученик по Горной академии Н. Николаев-Донецкий.- Пробуя силы в студенческом журнале "Горняк", мы тянулись к большой литературе, к литературным течениям и спорам..."

Строка биографии. Александр Фадеев вступает во Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП).

...Тридцать лет спустя, в день своего пятидесятилетия, Александр Фадеев скажет:

- Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии... Я могу обещать вам, что до конца дней своей жизни я буду верен ее знамени!..

Клятва его была родом из юности.

Электронная версия книги:

Большаков Л.Н.

Александр Фадеев : Повесть-хроника боевой юности. – М.: Политиздат, 1988. – 159с. – (Когда им было двадцать). – ISBN 5-250-00236-6.